

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ЖИВОЙ
ЩИТ

Сергей ЗВЕРЕВ

Святой

Сергей Зверев

Живой щит

«Научная книга»

Зверев С. И.

Живой щит / С. И. Зверев — «Научная книга», — (Святой)

Предателю – первая пуля. Десантник Дмитрий Рогожин по прозвищу Святой никогда не отступает от этого правила. На его пути не раз вставал человек, которого за алчность и жестокость прозвали Акулой. Из-за Акулы гибли солдаты на скалах Афгана. Оружие, которое он продавал врагам, несло смерть друзьям отважного десантника. Теперь судьба свела их на корабле с тайным грузом на борту. Отступить некуда: из этой схватки только один выйдет живым.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	45
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Зверев

Живой щит

Часть I

Жар пустыни

Глава 1

Я не жалею мертвецов, я готов скорее им завидовать... Мне приходится жить в такое время, когда вокруг нас хоть отбавляй примеров невероятной жестокости... В старинных летописях мы не найдем рассказов о более странных вещах, чем те, что творятся у нас каждодневно.

Мишель Монтень, «Опыты»

Столб света вертикальной линией рассекал мрак. Он струился из приоткрытого люка вентиляционной системы, расположенного на самой верхотуре трюма гигантского сухогруза. Внутри огромного, словно «Титаник», судна качка почти не ощущалась, хотя море в преддверии надвигающегося шторма было беспокойным. Лишь тонкая серебристая нить проволоки, протянутая от брезентового кокона на дне трюма к проему люка, вибрировала, словно струна. Нить искрилась в лучах предзакатного солнца, пронзающих фиолетовую темноту недр сухогруза.

– Святой! Антенна готова! Передавай координаты...

Раскатистое эхо многократно повторяло фразы, слетавшие откуда-то сверху.

Высокий темноволосый мужчина замер в напряженной позе у брезентового кокона. Подняв голову, он откинул со лба слипшиеся от крови волосы и посмотрел на квадрат света, похожий на фантастическую дверь в иные, лучшие миры. Глубоко вдохнув, он отогнул край брезентового полотнища, которым был заботливо укутан груз. Правая ладонь мужчины сжимала стальную жилу провода, а левая, скользя по округлому металлическому боку груза, искала рукоять, открывавшую доступ внутрь разукрашенного камуфляжной краской аппарата. Маскировочные разводы четко просматривались в колеблющемся круге света.

Клацнула защелка. Не выпуская из рук провода, мужчина, втянув голову в плечи, нырнул в узкую щель. Темнота не была для него помехой. Оказавшись позади нагромождения устройств и приборов, он позволил себе секунду отдышаться, вытянувшись в кресле, а затем, навалившись грудью на штурвал, подался вперед. Движения мужчины были расчетливы и скупы. Найдя нужное устройство, он чиркнул зажигалкой, ослабил зажим клеммы, вставил и закрепил конец провода. Прделав эти манипуляции, темноволосый включил несколько тумблеров. Разноцветные блики от вспыхнувших лампочек заплясали по кабине. Восхищенно присвистнув, мужчина потушил ставшую ненужной зажигалку.

– Получилось, Колюня!

Выглянув наружу, он увидел спускающегося по отвесной стене трюма друга. Тот, не глядя вниз, осторожно ступал по железным скобам, приваренным к стальной поверхности.

– Серегин, спускайся быстрее! У меня полный порядок! – не скрывая радости, поторопил приятеля темноволосый.

Оглянувшись, спускающийся так же зычно ответил:

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! Передавай координаты этого долбаного корыта! Хватит тянуть резину...

Внезапно он осекся, что-то увидав в чернильном мраке трюма. Застыв на свету, верхолаз вытянул руку. Удлиненная пистолетом ладонь казалась неестественно большой, а полыхнувший огонек выстрела походил на расцветший и мгновенно увядший багровый цветок. Выстрел ударил по барабанным перепонкам громовым грохотом.

И в тот же миг к человеку, распластанному на стене, потянулись рубиновые шупальца лучей лазерных целеуказателей. Они впивались в него, оплетали, точно черви, выискивающие уязвимое место. Беззащитный человек, зависший на железных скобах, был обречен. Выстрелы, направленные в него, слились в протяжную канонаду, усиленную визгом отлетающих от металла рикошетом пуль.

Не dokonчивший спуска верхолаз покачнулся, теряя опору. Раскинув крестом руки, он обрушился вниз, на стальные плиты, выстилавшие пол трюма. Человек падал картинно красиво, то появляясь в освещенном пространстве, то исчезая в фиолетовой вуали сумрака. В него не переставали стрелять, ведя бешеную пальбу влет по уже мертвому, разорванному свинцом телу.

Святой не видел из своего укрытия момента падения. Гулкий шлепок, перекрывший гром выстрелов, заставил его вздрогнуть, но начатого дела он не прервал. Поднеся к бескровным, искаженным яростью губам микрофон передающего устройства, он четким голосом надиктовывал цифры широты и долготы – точные координаты корабля, стремившегося затеряться в просторах Мирового океана. Следя за дисплеем, зеленоватой полоской выдававшим сведения о частоте, на которой работал передатчик, он молился только об одном – быть услышанным!

Преобразованный в электронные сигналы голос невидимой волной несся по натянутой проволоке, как по спасительной тропинке, из железной западни и, покидая импровизированную антенну, продолжал свой путь в поднебесье.

– Груз на «Соколе», координаты... – спрессовывая буквы и цифры, без пауз диктовал темноволосый.

Убийцы, окрыленные удачей, шли напролом, не скрываясь. Яркие кругляши фонариков светились в темноте, словно глаза гигантских крыс, вдруг повыползавших из всех щелей. Зычный бас командовал этой сворой:

– Проволоку перебейте, идиоты! Это же антенна! Козлы, быстрее, он же координаты передает, засвечивает нас!

Повинуясь приказу, крысиная стая, кружившая вокруг брезентового кокона, шарахнула из всех стволов по тонкой серебристой нити. Тренькнув, проволока оборвалась, точно тетива сломанного лука. Но где-то в бездне космоса, холодной и черной пустоте, спутник связи с развернутыми лепестками-антеннами уже принял сигнал. Получив сообщение, космический скиталец, зависший на орбите, обработал информацию и передал точно по назначению в заснеженную, тонувшую в сугробах Москву...

– Все, ребятки, партия сыграна! – процедил Святой, выбираясь из взятого в кольцо укрытия. Он передернул затвор семизарядного пистолета, в обойме которого оставалось четыре патрона.

Теперь он действовал как человек, которому некуда больше спешить. Чуть припадая на левую ногу, он перебрался к штабелю длинных, похожих на гробы ящиков, высокой пирамидой поднимавшихся рядом с коконом. Примостившись в углу, он наблюдал за передвижениями противников. Один из нападавших, коротышка с азиатской внешностью, вступил в полосу света. Раскосые глаза азиата хищно щурились. Держа короткоствольный автомат на изготовку, он продвигался к ящикам, выпрямившись в полный рост. Чрезмерная самоуверенность стоила ему дорого. Охотник сам стал жертвой.

Пуля, пущенная темноволосым, вошла точно в переносицу. Узенькие прорези глаз нападавшего разошлись до противоестественной широты, а из глотки вырвался пронзительный вопль. Грохнувшись на спину, он перекатился на бок, выбивая конвульсивно дергающимися ногами, обутыми в белые кроссовки, предсмертную чечетку.

Вскоре к нему присоединились еще трое. Верзилу с трехдневной щетиной темноволосый достал выстрелом в живот. Рычащий по-звериному битюг сидел, раскорячив ноги. Он то включал, то выключал фонарик, обозревая слизистый комок вывалившихся внутренностей, судорожно запихивая окровавленной пятерней кишки в разорванную пулей брюшную полость.

Пистолет девятого калибра был в руках темноволосого оружием, не знающим пощады. Знакомство с ним заканчивалось для нападавших смертью. Еще двое с расколотыми, точно грецкие орехи, черепными коробками улеглись на холодные плиты трюма.

Сражение получилось яростным и коротким, точно атака хищника, загнанного в угол. Когда обойма опустела, Святой, скрывавшийся за ящиками, бережно вытер ствол пистолета рукавом, поставил его на предохранитель и положил рядом с собой. Он слышал, как шуршат подошвы людей, крадущихся к нему из темноты, слышал их прерывистое дыхание, похожее на хрип загнанных лошадей.

Прислонившись спиной к шершавой поверхности ящиков, он достал смятую пачку и принялся выискивать среди табачного крошева целую сигарету. Казалось, для него не было сейчас ничего более значительного, чем найти бумажный цилиндрок с фильтром, зажать его зубами и закачать в легкие горьковатый дымок, способный заглушить пороховую вонь и приторный запах крови, витавшие в воздухе.

Лицо израсходовавшего боеприпасы стрелка казалось бесстрастным и спокойным, как будто он надел железную маску. Ни один мускул не дрогнул при виде выныривающих из темноты врагов. Ошарашенные столь необычным поведением и высшей степенью хладнокровия противника, они выстроились в ряд, не снимая пальцев с курков.

В трюме воцарилась мертвая тишина. Только рокот, доносившийся из машинного отделения, оповещал, что все идет своим чередом и корабль плывет.

Пауза длилась около минуты, пока от группы не отделился гладко причесанный красавчик в облегающих голубых джинсах. Недобро ухмыляясь, он пнул носком наконец-то закурившего мужчину.

Темноволосый закашлялся, поднес к губам кулак. Прочистив горло, он испытующе взглянул на прилизанного красавчика.

– Че, допрыгался, падла?! Еще четверых, змей, замочил. Я отвечаю, за Шуру ремни с твоей спины резать буду! – просипел красавчик, склоняясь все ниже и ниже.

– О приятеле скорбишь?! – тихо переспросил стрелок. – Не грусти! Такой нечисти сейчас без меры... Нового сосватаешь.

По толпе пронесся смешок. Дружки, похоже, поняли намек темноволосого. Группа ослабленно, как по команде, вздохнула и словно распалась на отдельные фигуры.

– Ах, ты!.. – Прилизанный задохнулся от возмущения.

Схватившись за ствол автомата, он замахнулся, намереваясь ударить обидчика прикладом. Его остановила мастерски проведенная подсечка.

Страхнув с себя апатию, Святой саданул разбушевавшегося красавчика по лодыжкам. Тот свалился кулем и выронил автомат, но один из его приятелей отшвырнул оружие от темноволосого подальше. Впрочем, набриолиненному парню, не похожему на морского волка, эта мера предосторожности не помогла. В пальцах темноволосого блеснула тонкая нить стальной проволоки – остатки перебитой пулями антенны. Никто не успел среагировать на молниеносное движение темноволосого. Тугая петля обхватила длинную шею красавчика и сократилась до минимума. Из взрезанной глотки фонтаном ударила кровь, а глаза с закатившимися под веки зрачками стали алебастрово-белыми.

Спихватившись, кто-то неприцельно выстрелил. Задушенный прикрывал темноволосого, точно живой щит, и отнять эту защиту никто не отважился. Пуля угодила в грудь прилизанного красавчика, вырвав кусок мяса размером с приличный ресторанный эскалоп.

Возмущенные вопли слились с лязгом передергиваемых затворов. Но выстрелов не последовало. Властный бас скомандовал:

– Отставить!

Обладатель командирского голоса, плотный, похожий на старинный платяной шкаф мужчина, подошел со стороны брезентового кокона. Оглаживая седой ежик волос, подстриженных на военный манер, он легко пробрался сквозь строй подобострастно расступающихся людей. Одетый в рубашку навыпуск и серые хлопчатобумажные штаны, хозяин своры, устроившей пальбу в трюме, держался с тем неискоренимым достоинством, которое присуще людям, прослужившим долгие годы на командных должностях. Приблизившись, он окинул долгим тяжелым взглядом распрощавшегося с жизнью красавчика. Придушивший не в меру ретивого парня сбросил с себя труп. Тот лежал, распластавшись, как выловленная из моря камбала.

– Лихо! – по-людоедски чмокнув губами, произнес седой, массируя ладонью затылок. – Славно сработано.

Под охраной десятка головорезов, следивших за каждым движением грозного противника, седовласый предводитель обошел лужу крови, переступил через труп.

– Узнаю мастерский почерк! Дерешься до последнего, Святой? – тоном человека, обращающегося к старому знакомому, сказал он, направляя луч фонарика на темноволосого.

В желтом свете черты лица пленника вырисовывались отчетливыми линиями, словно на старинной гравюре. Не отворачиваясь от бивших в глаза лучей и не вставая, тот ответил:

– Последним в моем списке значитесь вы, генерал.

Произнеся эту фразу, мужчина прикрыл глаза ладонью, будто прятался от слепящего знойного солнца пустыни...

* * *

– Что видишь? – спросил старший лейтенант Дмитрий Рогожин у сержанта, не отрываясь от окуляров мощного бинокля. От жары спекшиеся губы офицера покрылись засохшей коркой.

Ржаво-коричневая равнина, покрытая редкими чахлыми кустиками колючек, у самой линии горизонта начинала бугриться грядой лысых невысоких холмов. За ними в голубом дрожащем мареве темно-синими глыбами сияли под беспощадным среднеазиатским солнцем отроги далекого Таласского Алатау.

– Кочерыжка какая-то! – недоуменно ответил за сержанта замкомвзвода Василий Голубев. Подкручивая кольцо дальномера оптического прицела, он пытался рассмотреть то, что привлекло внимание лейтенанта. – Зачем ее на шест насадили? И откуда они здесь палку взяли? Вокруг ведь ни деревца... Нет, товарищ лейтенант, не могу разобрать. Расстояние слишком велико. Надо бы поближе подойти...

– Поближе, говоришь, – эхом отозвался командир группы, словно стремился выторговать время у своего заместителя для принятия решения. – Идеальное место, чтобы перебить нас как куропаток. Выйдем на равнину и окажемся на блюдечке с голубой каемочкой. Бери вилку и накальвай!

Рогожин оглянулся.

По ту сторону бархана, присев на корточки, ждали команды четверо десантников – его группа. Пять суток, проведенные в пустыне, уже отметили парней печатью усталости. Обгоревшие до кирпичного цвета лица, продубившиеся от пота «афганки», впавшие щеки, постепенно пустеющие рюкзаки, болтающиеся за плечами, напомнили Рогожину далекий блокпост, который перекрывал дорогу из Ирана в мятежную и непокорную афганскую провинцию Герат.

Там он получил боевое крещение и впервые испытал себя на прочность. «Духи» появились словно из-под земли, когда часовые проспали. Завязалась рукопашная схватка. В ход пошло все: ножи, приклады автоматов, саперные лопатки, кулаки и зубы, камни с брустверов окопов.

Налетевшего на него душмана Рогожин застрелил в упор. Первый раз в жизни он увидел, как разлетается человеческий череп. Мрак южной ночи не смог скрыть этого эпизода, навсегда врезавшегося в его память.

Пост удалось отстоять, и утром Рогожин долго бродил среди трупов, пытаясь найти того самого, первого. Сдерживая подкатывающую к горлу тошноту, он переворачивал успевшие остыть тела, вглядывался в обезображенные лица, остекленевшие глаза и не мог узнать ночного врага.

– Успокойся, парень! – остановил его тогда старлей, командир взвода. – О живых надо думать. «Вертушки» на подходе. Готовься раненых грузить!

С лейтенантом Балугевым Рогожин служил и на точке, охранявшей стратегически важную дорогу Кабул—Джелалабад в провинции Соруби, и в Кунаре. И в проклятый рейд к ущелью Пандшер, владению Ахмад-шаха, вместе с ним пошел, точнее – полетел.

Десантировали их прямо на скалы. А зенитно-горные установки расстреливали «вертушки» прямой наводкой. Люди Ахмад-шаха вырубали пещеры и окопы на головокружительной высоте, установили крупнокалиберные пулеметы и зенитки под самыми облаками. Вертолеты огневой поддержки, словно рассерженные осы, вились над ущельем, в бессильной злобе обрушивая на скалы все новые порции смертоносного огня. Но, по-видимому, сам Аллах взял Пандшер под свою защиту, дабы не допустить неверных «шурави» к Лазуритовой долине – источнику богатства и могущества Ахмад-шаха.

Взвод лейтенанта Балугева высадился на узкую горную площадку, созданную самой природой. Командир приказал подниматься наверх и уничтожить любой ценой огневые точки противника. Прямо над головой десантников, на высоте примерно в полкилометра, остервенело лупила спаренная зенитно-горная установка. К этому сеющему смерть «орлиному гнезду» вела тропа, серпантинном змеящаяся к вершине. Взвод в полном составе рванул вперед. Дмитрий замешкался, поправляя «лифчик» – самодельные карманы для магазинов и гранат, нашитые на кусок брезента, прикрепленный, в свою очередь, клямкам «РД». При высадке «лифчик» съехал так, что края магазинов упирались в подбородок.

– Дмитрий, прикрывай с тыла! – крикнул старлей, заметив, что Рогожин поотстал.

Смрадными кострами пылали сбитые вертолеты. Сладковатый дым от горевшего человеческого мяса смешивался с душлистыми черными клубами плавящейся резины, разорванного в клочья металла, взрывающихся бензина и боекомплектов. Багровые сполохи разрывов, алые punctures трассеров разрезали подымающуюся над входом в ущелье пелену пыли.

Несколько десантников вырвались вперед. Один из них не заметил на тропе мину. Детонирующий шнур связывал ее с дюжиной других. Мощный взрыв превратил тропу в братскую могилу для всего взвода.

Взрывной волной Рогожина опрокинуло на спину, отбросило за край террасы. После немислимого сальто-мортале он приземлился на ноги, упершись в пяточок скального выступа.

Судьба хранила Рогожина от града осколков. Только левое плечо заныло саднящей болью и рукав куртки стал теплым и влажным. Он машинально согнул несколько раз локоть и понял, что ранение пустяковое, скорее всего осколок прошел по касательной. Дмитрий перекинул автомат за спину и, осторожно нащупывая носками сапог выступы, принялся карабкаться обратно на горную террасу, где остались его командир и друзья.

Надежда увидеть кого-нибудь живым подгоняла Дмитрия, желание отомстить за погибших заставляло быть осторожным. Подъем занял больше времени, чем он рассчитывал. Раненая рука давала о себе знать.

– Метров восемь летел, – шептал сам себе Рогожин, вбивая нож в щель. – Как жив остался? Почему ребята молчат? Почему не стреляют?

Стрелять было некому. Радист, единственный, кто еще оставался живым на проклятом плоскогорье, учащенно дышал, привалившись спиной к скале. Его глаза уже подернулись пленкой и бессмысленно смотрели на огромную кровоточащую рану, обнажающую внутренности. Сизые кишки клубком выкатились наружу. Взрыв перерубил радиста почти пополам.

При виде товарища радист застонал, потянулся рукой к лежавшему рядом автомату.

– Сейчас, Вовка! Сейчас... Это я, Дмитрий! Промедола вколю! Все нормалек, братуха! – скрипя зубами, приговаривал Рогожин и гладил умирающего по русым вихрам. – «Вертушку» вызовем! Давай рацию. Ребят подберем и домой, в полк. А раненых в Союз! Ты еще сестричку подцепишь! Знаешь, парни рассказывали, какие они в ташкентском госпитале... На свадьбу-то позовешь, а?

Наушники сипели, потрескивали. Прорывались незнакомые Дмитрию голоса:

– Стрелка, у меня много «трехсотых». Мне срочно нужна помощь. Много тяжелых...

– Я понял, «Калуга». Доложите возможность отхода. Как поняли? Прием.

– Я Восход! – Рогожин узнал позывные штаба. – Помощи не будет. Прорабатывайте варианты отхода самостоятельно. За «трехсотыми» придут «вертушки». Но не раньше чем через полчаса.

– ...помогите, «духи» нас топят! Срочно нужна помощь! Срочно помощь! Давят нас, блин... Восход, помогите, елы-палы... Где «вертушки»?

– «Калуга», продержитесь!

– Спасите нас! Живыми, суки, хороните...

– ...Держитесь, ребята! Успокойтесь...

– «Вертушки» горят! Японский бог, они не могут пробиться! Остальные уходят! Решайте же что-нибудь! Поднимите «сушки»...

Срывающийся голос требовал от штаба огневой поддержки фронтовых истребителей «Су-24», передавал координаты квадрата, в котором должен был высадиться второй батальон парашютно-десантного полка.

– ...работайте по координатам. Иначе нам хана, – клокотал голос комбата, оставшегося без батальона. – Ты, Восход, тварь последняя! На верную смерть послали. Живым буду – под землей найду...

Радист дотронулся рукой до наушников, словно хотел добавить в переговорное устройство и свою долю проклятий лампасоносным наследникам разного рода Ворошиловых и Буденных. Волна судорог прошла по его телу, заставляя парня выгнуться от нестерпимой боли дугой. Даже вколота Рогожиным лошадиная доза промедола не смогла облегчить его последних страданий.

С ремня отошедшего в лучший мир радиста он снял сумку, наполненную осколочными гранатами для подствольного гранатомета «ВОГ-25», отстегнул подсумок с ручными гранатами «Ф-1», достал из «лифчика» автоматные магазины. Затем Рогожин закрыл товарищу глаза и, изо всех сил стараясь не обнаружить себя, начал продвигаться к тропе.

Зенитная установка продолжала вести огонь. Только выстрелы стали реже.

«Экономит патроны», – подумал Рогожин, вытирая кровь с лица, расцарапанного при падении.

Моджахеды сменили тактику. Атака вертолетов была отбита, и они ожидали нового налета авиации. Часть тяжелого вооружения – станковые пулеметы, зенитные горные установки, спаренные четырехствольные скорострельные пушки – душманы прятали в пещеру. Туда же они уносили ящики с боеприпасами. В пещеры уходили и те, кого решено было поберечь.

Позиции занимали стрелки, вооруженные китайскими ракетами класса «земля—воздух», аналогичными, но гораздо более совершенными технически ракетами английского производства «блоупайп» и, конечно же, пресловутыми американскими «стингерами».

Командир огневой точки, на подходе к которой подорвался взвод лейтенанта Балужева, послал вниз человека. Собрать оружие «шурави», добить безнадежных. Связать и оставить до темноты раненых.

Кряжистый чернобородый душман деловито обшаривал карманы мертвых десантников и не слышал, как за его спиной тенью возник Рогожин. Удар ножа пришелся между шейными позвонками. Афганец без единого звука рухнул как подкошенный.

После недолгого раздумья Рогожин стянул с моджахеда грязно-серую простую рубашу и нахлобучил на голову шапку, похожую на ком перебродившего теста.

– Я устрою вам сюрприз. Специально от взвода разведроты нашего славного полка! – шептал Дмитрий, разрезая ворот рубахи, чтобы легче было дотянуться до гранат и магазинов, спрятанных в «лифчике» на груди.

По тропе Рогожин шел осторожно. Несколько раз он переступал через натянутые струной стальные нити, соединенные со взрывателями замаскированных мин. В нем проснулся звериный инстинкт, помогающий безошибочно определить опасность и избежать ловушки.

Тем временем авиация отвлекла «духов» от тропы. Лишь один молоденький воин Аллаха, пугливо вжавшийся в расщелину скалы, охранял тропу, да и то больше смотрел на небо, чем на подходы к огневой позиции.

Ярко-синее южное небо рассекали белые черточки истребителей. Самолеты ложились на крыло и начинали пикировать с надсадным воем, который тысячекратно усиливало горное эхо. Из-под крыльев отделялись точки авиабомб. Они росли, становились похожими на жирные кляксы и, упав, прорастали черными гигантскими грибами с красными проблесками огня и искр, острыми космами дыма.

При виде «духа» Рогожин решил действовать саперной лопаткой – оружием простым и безотказным.

Остро отточенные края лопатки едва не раскроили голову моджахеда пополам. Афганец глухо простонал, опустился на колени, выронил оружие и завалился набок.

Очувтившись у входа на площадку огневой точки, Рогожин не стал рисковать. Одну за другой он отправил вперед три гранаты и, не прячась от осколков, принялся хлестать длинными очередями из «калашникова». Когда рожок опустел, Рогожин мгновенно отделил его от автомата, перевернул и вставил новый, прикрепленный к пустому несколькими витками изолянтной ленты.

Вопли афганцев были почти не слышны за разрывами гранат и грохотом автоматных очередей. Пещеру Рогожин прозондировал выстрелом из подствольного гранатомета. Хранившиеся там боеприпасы сдетонировали. Для тех, кто находился внутри, это был конец. Скальные породы не выдержали. Своды дрогнули и обвалились, хороня под камнями остатки склада оружия и трупы моджахедов.

Рогожин подобрал почти целый переносной зенитный ракетный комплекс «блоупайп» – была повреждена лишь оптическая установка – и поспешил прочь от проклятого места, у подножия которого полегли его товарищи. Но перед тем, как уйти, он подложил под станину зенитки два «цинка» с патронами, прикрепил к ним «лимонку» и пропустил через ее кольцо шнур, найденный возле тлеющих, полуобгоревших трупов. Затем Рогожин отошел на безопасное расстояние и выдержал чеку.

– Все, товарищ лейтенант! Задание выполнено, – выдохнул он одновременно со взрывом.

Уже внизу Рогожин собрал бумаги убитых. Перед выходом на операцию ребята сдавали военные билеты, оставляя фотографии близких и любимых, письма из дома. Святой долго искал Балужева, зная, что тот всегда носит в нагрудном кармане фотографию жены и двух доче-

рей. Но лейтенанта нигде не было. В скалах ущелья Пандшер командир нашел свое последнее пристанище.

После этой операции потрепанный полк пополнили новобранцами, дали отдохнуть две недели и перебросили к самой границе с Пакистаном. Рогожин, получивший сержантские лычки да благодарность командования, от полка отстал. Уцелев в бою, он умудрился подхватить гепатит, напившись воды из казавшегося кристально чистым источника. Отлежав в госпитале положенный срок, он получил предписание вернуться в часть и продолжить выполнение интернационального долга.

Белел снежными шапками Гиндукуш, бросал песок в глаза порывистый ветер, прилетающий из пустынь Пуштунистана, заунывно кричали муллы из-под лазоревых куполов мечетей...

Ничего в Афганистане не изменилось. Правда, прибавилось сгоревшей техники в кюветах и стрелять стали даже там, где раньше было спокойно.

Глава 2

*Берегитесь, вы все, которые жсдали бы стать Помпеями! Война
– это волк, она может прийти и к вашей двери.
Бернард Шоу*

Добираться до полка Рогожину пришлось несколько дней: где подсаживаясь на броню попутных колонн, а по большей части – на «вертушках». Новый взводный, лейтенант Новиков, оказался бывалым воякой. Он оборвал на полуслове рапорт Рогожина о прибытии, жестом руки предложив садиться.

По дрожащим рукам и черным кругам под глазами было видно, как мучается лейтенант от страшной головной боли – обычного следствия тяжелой контузии и сильного сотрясения мозга. Лимонно-желтый цвет кожи говорил о лихорадке, которую взводный, должно быть, подхватил в какой-нибудь низине, кишасей малярийными комарами.

Перекатывая тлеющую сигарету из одного угла рта в другой и почесывая грудь под десантским тельником, он с достоинством цедил слова. Как и положено боевому офицеру.

– Хорошо, Рогожин, что ты нюхнул пороха. У нас времени на обкатку нет. От свиста пуль над башкой не отвык?

– Если и подзабыл, то быстро вспомню!

– Лады! – Лейтенант плеснул в жестяную кружку водки.

Рогожин привез бутылку «Столичной», купленную за чеки у пронирыливого фельдшера. Первая порция «Столичной» сняла с Новикова груз усталости.

– Ввожу в курс дела, сержант! «Духи» воюют по всем правилам. Доблестной Советской Армии, которая восемь лет гробит своих солдат неизвестно зачем, противостоит не сброд бандитов и дикарей, вооруженных кремневыми ружьями. С нами сражаются регулярные части, использующие методы партизанской войны. Американские да пакистанские инструктора натаскали афганцев как положено. Оружия у «духов» хватает. Мало того, что из Пешавара постоянно караваны идут, так и свои продавать начали.

Это было что-то новое для Рогожина.

– Мы «духам» вооружение передаем?

– Не передаем – продаем, – подтвердил Новиков. – И не мы, а те, кто большие звезды носит. Тебе, сержант, не наливаю, не положено. – Он снова плеснул водки в алюминиевую кружку. – Белодед, командир третьей роты, в кишлаке склад нашел. Штук двести управляемых противопехотных мин...

– «МОН-100»?

– Нет, новых, «трехсоток»! – Новиков залпом выпил содержимое кружки, поддел гнутой вилкой кусок тушенки и проглотил его, не разжевывая. – Короче, солидный склад. И среди всего прочего новые огнеметы «РПО-А». В заводской смазке, упакованные. Мы таких еще не видели. Стреляет капсулой, а не струей. Звук как у гаубицы. – Разошедшийся лейтенант грохнул кулаком по столу. – У нас таких нет, а «духи» имеют! Улавливаешь, сержант?

До Рогожина доходили слухи о нечистых делах, проворачиваемых в ограниченном контингенте. Говорили о гробах, где вместо «двухсотых» лежал гашиш, о сокровищах Кабульского музея, бесследно исчезнувших сразу же после штурма дворца Амина. Но Рогожин считал все это выдумками, плодом больного воображения уставших от войны людей. И спорить с лейтенантом ему не хотелось...

Афганская кампания приближалась к своему бесславному финалу. За Амударью, в Среднеазиатский военный округ, вывозилась масса оружия и боеприпасов. Огромные склады под Душанбе, Ферганой, Ташкентом заполнялись практически не учитываемым оружием.

И ни Рогожин, ни его взводный лейтенант Новиков даже в страшном сне не могли представить, что пройдет совсем немного времени, и Афган повторится, но уже по ту сторону желтых вод Амударьи, на земле, которую они считали своей Родиной.

С командиром взвода, рассудительным и спокойным мужиком, Рогожин быстро нашел общий язык. Незначительная разница в возрасте не была помехой. Бесконечные рейды, сидение в засадах на караванных тропах и блокпостах позволяли узнать человека, что называется, до доньшка.

Потеряв в бою первого командира, Рогожин принял для себя внутреннее обязательство – оберегать Новикова, действовавшего, по его мнению, порой слишком рискованно. Понимавшие друг друга с полуслова сержант и старлей вскоре оказались в эпицентре событий, ставших финальным актом бесславной афганской кампании. Пытаясь переломить ход событий, командование ограниченного контингента приняло решение о проведении молниеносной операции по разблокированию дороги на Хост – центр одноименной провинции.

Город, окруженный кольцом мятежников, держался исключительно поставками продовольствия и боеприпасов по воздуху. Его окрестности были усеяны клочьями фюзеляжей сбитых самолетов. Они белели, разбросанные по красноватой каменистой почве, как куски погребального савана.

Взвод Новикова проводил разведывательные рейды под Хостом. Десантники накрыли три «Тойоты», груженные ящиками с китайскими ракетами «земля—воздух», сами чуть не угодили в засаду и, отступая, забрели на территорию Пакистана, отогнав наседавший пограничный наряд залпами из гранатометов.

Ориентируясь на Черную гору, Новиков вывел отряд к реке Кайту, откуда их и забрали «вертушки». Командир полка особо разведчиков не ругал, хоть переходить границу строжайше запрещалось.

– Мы, солдаты, должны выигрывать конкретный бой. Политические тонкости оставим дипломатам. Объяви, лейтенант, своим разведчикам благодарность от моего имени, – лаконично заявил полковник, передавая начальнику штаба карту с нанесенными Новиковым новыми сведениями.

Двадцать пять километров отделяли Хост от границы с Пакистаном. Двадцать пять километров, покрытых тайными караванными тропами, замаскированными огневыми точками, напичканных минами. Самый «горячий» провинциальный город во всей стране...

– Новиков, вы меня не слушаете! – Командир полка проводил совещание в преддверии ширококомасштабной операции. – О чем размышлялись? О серенадах поповским дочкам? – Полковник почему-то любил помянуть непонятных поповских дочек.

– Никак нет! – Новиков встал под насмешливыми взглядами офицеров.

– Так о чем же?

Набрав в грудь побольше воздуха, Новиков отчеканил:

– Не повторится ли под Хостом кошмар Пандшера!

Представитель штаба армии, подполковник в форме с общеармейскими красными петлицами, презрительно хмыкнул:

– Офицер ВДВ, а выражаетесь словно кисейная барышня. Кошмар... Слово-то какое вспомнил!

– Вас, товарищ подполковник, там скорее всего не было. Рекомендую, слетайте на экскурсию или побеседуйте с сержантом из моего взвода! – резко ответил Новиков. – Там на скалах вмерзли в лед трупы наших ребят, и рюкзаками драными все усыпано...

– Лейтенант! – попытался остановить его начальник штаба, но командир полка наступил ему под столом на ногу.

– Вокруг города тройное кольцо окружения. Вдоль дороги полно зенитных установок. И «стингеров» «духи» не станут жалеть! – Немного смягчившись, Новиков продолжал: – Я за себя не боюсь. Ребят жалко. Необходимо засечь огневые точки противника и подавить их огнем артиллерии. Те, которые невозможно достать артиллерией, штурмовать группами десантников. Иначе потери будут неоправданно высокими!

– Артиллерия отработает по разведанным целям! – подал кто-то голос.

– Этого недостаточно! – не сдавался лейтенант.

– Сукин сын! – испытующе посмотрел на него командир полка. – У тебя в башке есть идея, а ты тянешь кота за хвост!

– Надо высадить ложный десант! – выпалил Новиков и замолчал.

– Как это понять? – спросил полковник. Лоб у него собрался в складки и стал похожим на гармошку.

– Сбросить куклы! Подключить к операции батареи звуковой разведки артполков, поднять в воздух самолеты-разведчики, вычислить все огневые позиции «духов» и, не оставляя времени для смены мест дислокации, отработать артиллерии, штурмовым группам. А затем и основным силам можно вступать в дело!

Командир полка цокнул языком:

– Стратег! Ганнибал, понимаешь, а не командир взвода!

– Одну минуту! – оборвал его представитель штаба армии. – Предложение лейтенанта не лишено здравого смысла. Я обязан доложить командующему. Он, собственно, и прислал меня выслушать офицеров-десантников, посоветоваться.

Когда дверь за штабным подполковником захлопнулась, командир полка бросил в сердцах:

– Что ж ты сидел, молчал все время, индюк надутый! Небось этот побежал прямо к высокому начальству, крыса штабная! Орден Ленина ему гарантирован!

– Да хоть десять! Лишь бы план прошел... – широко улыбнулся Новиков.

«Ми-8» рассекал воздух лопастями винта. Залитые водой рисовые поля блестели в лучах ослепительного южного солнца.

– Хрен с ним, с этим Хостом! – перекрывая рокот двигателя, кричал пилот. – Хотят «духи» сделать его своей столицей, ну и пусть. Ты как считаешь, сержант?

Святой не отвлекался. За его спиной в грузовом отсеке находились десять парней, которым скорее всего придется в буквальном смысле на землю спуститься с небес и принять бой. Вторая десятка под командованием Новикова должна была десантироваться километров на восемь южнее.

– Пять минут – и начну сбрасывать! – Летчик постучал ногтем по стеклу часов.

– Ниже сойди! – попросил Рогожин.

– Не могу. Приказ! – мотнул головой пилот. – «Духи» могут достать.

– Целее будем! «Духам» сейчас не до твоей бандуры.

– Восемьдесят первый, – засипела рация, – приготовьтесь... Подарки пошли.

Белые купола парашютов огромными ромашками расцветали в небе. Самолеты опорожняли свое чрево и, заложив крутой вираж, уходили ввысь.

Глухо затукали зенитные установки. Пилот вертолета потянул на себя рукоять набора высоты.

– Начинаем концерт по заявкам, – усмехнулся он.

Сполохи разрывов заполнили небеса. Вертолет, точно гигантская желто-зеленая стрекоза, летел над землей, отбрасывая тень на рисовые чеки, тропы, холмы и пустынные равнины.

– Купились «духи», – удовлетворенно хмыкнул Рогожин. – Расстреливают манекены.

По одиноко кружащему вертолету моджахеды огонь не открывали – слишком незавидная цель.

«Лишь бы засекли большинство точек, – повторял про себя Рогожин, – лишь бы засекли».

Он и сам передавал координаты обнаруженных пулеметных гнезд, окопов с задранными стволами скорострельных пушек, блиндажей, из которых выбегали люди с трубами реактивных управляемых ракет на плечах.

– Четвертый! Я Восемьдесят первый! В шестом квадрате «духи» ставят две «эрушки»... Да... Уверен... – докладывал Рогожин в штаб полка. – Снимают с джипов и монтируют... Да... По-моему, нашелся ушлый курбаши, усек, что мы их накололи...

Шестой квадрат – место высадки одного из подразделений полка – брался под прицел двух реактивных установок типа «град-5». Залп из двадцати четырех стволов перевернул бы каждую песчинку в квадрате и не оставил ничего живого.

– Четвертый! Я достану «духов»! Разрешите десантироваться?.. Понял! Сделаю все аккуратно, без шума и пыли!.. Ребята! Приготовиться к высадке!

«Вертушка» зависла над пересохшим руслом заброшенного канала. Десантники выпрыгивали прямо в ров и исчезали в клубах пыли.

– Все, сержант! – доложил младший сержант Гена Маркин, пересчитав людей.

– До «духов» километра три! – Рогожин специально определил место высадки чуть в стороне. – Идем по руслу канала. У начала полей возьмешь двоих бойцов и по-пластунски обойдешь гадов. Сигнал к атаке я подам выстрелом. Будут дергаться – долби из гранатометов. Только нас не задень. Установки старайся не повредить, авось пригодятся.

Маркин обреченно вздохнул:

– Потопнем среди полей. Мы же десантура, не подводники.

– Отставить разговоры! Бегом марш! – скомандовал Рогожин, уверенный, что Маркин выполнит все как надо.

Канал вывел группу напрямик к установкам. Моджахеды уже успели установить цельно-металлические станины, смонтировать трубообразные стволы. Афганцы раскрывали ящики, доставали из них сигарообразные ракеты и заряжали установки.

– Шестнадцать «духов». Двое в джипах сидят, на рациях дежурят! – шепотом доложил ефрейтор Липин.

– Снайперам есть работа! – Рогожин жестом подозвал двоих солдат. – Снимите этих в машинах. Они не должны ни одного слова в рацию хрюкнуть!

– Маркин со своими дочухал! – сказал ефрейтор, возбужденно дыша. – Могут засветиться. Поле хорошо просматривается.

– Ставь, Липин, «керогаз». Чуть что, прикроешь!

Ефрейтор сорвал чехол, освободил треногу автоматического гранатомета. Второй номер расчета подключил магазин, наполненный похожими на разварившиеся сосиски гранатами.

Внезапность атаки парализовала афганцев. Они суетливо метались под перекрестным огнем, словно перепуганные овцы при виде волка, забравшегося в кошару. Гортанные вопли заглушали крики раненых.

Но от установок афганцы не отступали.

– Короткими перебежками за мной! – поднял десантников Рогожин и сразу же пожалел об этом. Рядом с ним перевернулся через голову и упал солдат. С противоположной стороны продвигалась группа Маркина.

Всхлипывающими, воющими звуками отозвался гранатомет Липина. Одна из гранат попала в джип. Машина дрогнула, как загарпуненный кашалот, и осела, задрав радиатор к небу...

Пленные душманы сидели на корточках с заложенными за голову руками. В глазах у афганцев не было ни страха, ни боли. Одно лишь чувство светилось в них: ненависть.

– Рома Павлин убит... – утирая пот с лица, говорил Маркин. – Ваську задело...
– Сильно? – спросил Рогожин и стал рассматривать захваченные трофеи.
– Ногу пулей перебило. Кость торчит!
– Пойдем посмотрим! – Рогожин зашагал к краю поля, где вокруг раненого бойца хлопотали товарищи. – Придется Василию потерпеть. Двадцать минут до главного удара осталось. Закусив зубами ворот куртки, чтобы не кричать, закрыв руками глаза, высокий, под два метра, десантник корчился на земле. Бисеринки пота серебристой сетью покрывали его лоб. Перебитая кость сахарным осколком выглядывала из рваной штанины, успевшей выше колена пропитаться кровью.

– Держись, Васек! – Рогожин потрогал лоб раненого.
– Я ничего... – простонал солдат искусанными в кровь губами.
– Жгут потуже затяните! – приказал Рогожин, не отводя глаз от страдающего парня. Афганцы сбились в кучу и обреченно ждали. Многие шептали молитвы.
– К Аллаху торопятся! – повел стволом в сторону пленных Маркин.
– Отставить, – устало одернул его Рогожин.
– Что, до полка басмачей потянем? – недовольно поинтересовался Маркин.
– Угадал! – Сержант расстегнул верхние пуговицы «афганки», подставляя грудь под едва ощущаемый ветерок.

– Наши их парандоевцам¹ передадут. А те сородичам «чайники» поотрезают. Как пить дать открутят им «банки», – уверенно заявил младший сержант. В его глазах плясали хищные огоньки.

– Предлагаешь облегчить мучения «духов»? – усмехнулся Рогожин.
– У нас трое убитых, двое ранены. Надо бы отплатить за ребят. Куда нам такое стадо гнать? Оставим парочку для штаба, а остальных отправим к ихнему Аллаху!

– Заткнись, Маркин! – Рогожин поставил автомат на предохранитель. Стрельбы больше не предвиделось. – Сходи потрогай мозоли у них на руках. От оружия таких не бывает. Они против нас целыми кишлаками воюют: от мала до велика...

– Знаю, знаю... – разочарованно протянул младший сержант. – Всенародная партизанская война в тылу врага... Проходил «Войну и мир» в девятом классе. – Он встал в позу чтеца-декламатора и с завыванием начал: – Поднялась дубина народной войны и пошла гвоздить врагов по котелку...

– Грамотный! Выучили вас на свою голову, – проворчал Рогожин, с трудом сдерживая улыбку.

Маркин засвистал какой-то очередной шлягер и двинулся к машине. Это была потрепанная «Тойота» с бахромой над лобовым стеклом, побитыми подфарниками, погнутым бампером. Обычная афганская «бурбухайка», годная, чтобы возить овощи на городской базар и реактивные установки на огневые позиции.

Дверь джипа приоткрылась, и Рогожин успел увидеть залитое кровью лицо, а также вытянутую руку с пистолетом. Два выстрела прозвучали почти одновременно.

Перед тем как упасть, Маркин успел обернуться, как будто хотел попрощаться с командиром. Его недоуменный взгляд переместился на грудь, где с левой стороны на накладном кармане «афганки» чернела точка.

– Мама, достали! – ровным, отчетливым голосом произнес младший сержант и упал.

Десантники хлестали по джипу длинными очередями. Кто-то попал в бензобак. Клуб огня вырвался к небу рыже-черной шапкой.

– Прекратить огонь! – кричал Рогожин и сам продолжал испуганно палить из автомата, словно отдавал погибшему младшему сержанту последние воинские почести.

¹ В то время – афганские правительственные войска.

– Командир! «Духи» ломаются! – заорал ефрейтор Липин, выпучив глаза, и тыкал пальцем в ровную линию горизонта.

С юга приближалось облако пыли. Пять машин неслись по степи, точно волки, загоняющие добычу.

– Передал, гад! – воскликнул ефрейтор, прижимая к груди автомат, словно тот был палочкой-выручалочкой.

– Ох, блин, засекли!

– К установкам, быстро! – крикнул Рогожин.

– Как стрелять из этого металлолома? – пробормотал ефрейтор. – Ни буссоли, ни прицельных устройств. Каналом уходить надо... Сматываемся, сержант!

Рогожин уже взял себя в руки. Опасность действовала на него отрезвляюще.

– Не ори, Липин! Пальнем по «духам», да так, что их яйца до Пакистана лететь будут.

Уверенность командира передалась остальным десантникам. Белозубые улыбки засветились на запыленных, загоревших до черноты лицах.

– Так, парни. Берите пленных – и к установкам!

– «Духи» в своих стрелять не станут! – не унимался Липин.

– Сделать петли! Набросить им на глотки и перекрыть кислород! – отдавал лаконичные приказы Рогожин.

Десантники удивленно переглядывались, не понимая замысла командира.

– Вешать пленных, что ли? – робко переспросил ефрейтор.

– Дурак! – Рогожин выразительно постучал себя по лбу. – Они же мусульмане. Для них, воинов Аллаха, смерть без крови – что для тебя служба без дембеля. В рай не попадут. По своим «духи» пулять, конечно же, не станут, но отпугнуть – отпугнут! Давайте!

Пленные, трясаясь от страха, глазели на приготовления десантников.

– Только не до смерти! Осторожно! – предупредил Рогожин.

Машины приближались. Раненный снайпером моджахед, воспользовавшись замешательством, успел предупредить своих о дерзком захвате установок, и сейчас «духи» торопились наказать зарвавшихся «шурави».

– Алла... – истошно вскричал тощий афганец, которого первым подвергли испытанию.

Он тяжело, с ефрейтором на спине, обхватил сапоги сержанта и затараторил, пуская слюни и сопли. Свою речь воин ислама сопровождал выразительной восточной жестикуляцией.

Рогожин склонился над ним.

– Шугани разок своих. Иначе... – Он чиркнул ладонью по горлу.

– Не улавливает! – констатировал Липин и крутанул удавку.

Афганец зашелся в кашле. Его тонкие губы стали на глазах синеть, на них выступили белые хлопья пены.

– Ослабь! – Рогожин хлопнул ефрейтора по плечу. – И поставь его на ноги!

Теперь покачивающийся душман был похож на марафонца после финиша. Он уткнул глаза в землю и часто дышал широко открытым ртом, в котором по-собачьи подергивался язык, точно просил отпустить его наружу.

Рогожин сбил с пленного грязную чалму и повернул голову «духа». Приставив к его глазам бинокль, сержант показал на машины. Потом указал на установки и сделал жест руками, словно отгонял от себя назойливую мошкарку. Афганец замычал, отрицательно трясая головой.

– Петлю, Липин. Потуже! Время уходит! – рявкнул Рогожин.

– Есть! – так же решительно выпалил ефрейтор и снова перекрыл душману кислород.

Пленный бился всем телом, как бьется рыба, выброшенная на лед.

– Сержант, кажись, мой согласен! – Один из десантников подвел смуглолицего пожилого афганца в просторных полотняных штанах и длинной рубахе.

– И мой дошел до кондиции! – ухмыльнулся Липин.

Его подопечный уткнулся лбом в землю и стучал рукой, давая понять, что согласен...

Как они наводили установки, Рогожин так и не понял. Но залп получился отменный. Установки дрогнули, затем залились огнем, и от протяжного воя снарядов, вырвавшихся из стальных труб, заложило уши.

В бинокль Рогожин видел, как черная стена разрывов выросла на безопасном расстоянии от машин. Моторизованный отряд притормозил, заложил резкий вираж и быстро начал удаляться, не дожидаясь очередного залпа.

– Перелет сделали, блин! – горестно выдохнул ефрейтор, подводя результат.

– Порядочные «духи». Не предатели... – рассмеялся Рогожин. – Дай-ка водички попить. У меня, видишь, фляжку пробило...

Последняя крупная военная операция Советской Армии в Афганистане – снятие блокады с Хоста – проходила строго по установленному плану. Огневые точки моджахедов были нанесены на карты, переданы в батареи и дивизионы, вертолетные полки и эскадрильи фронтовой авиации. Расчеты занимали места у орудий, артиллеристы реактивных установок следили за красными флажками в руках своих комбатов.

Как слабая искра приводит в движение поршни двигателя, так команда, отданная с главного КП этой войны, заставила повернуться десятки ключей стрельбы, взрывать моторы БМП, танков и БТР, подняться в воздух «вертушки», истребители-штурмовики.

Ахали гаубицы «Д-30», вторили им самоходные орудия с нежным названием «Гиацинт», завывали, выпуская огненные стрелы, реактивные «бээмки». Вертолеты огневой поддержки, утяжеленные снаряженными по максимуму подвесками, грязно-зелеными мухами уходили к горизонту, а матушка-пехота выдвигалась на передовые позиции...

Десантники спрятались в русле старого канала. Артиллеристы работали аккуратно, но Рогожин решил не искушать судьбу. Уж слишком близко катилась страшная лавина огня и металла.

– Подкорректируйте пушкарей! – кричал он в ларингофон рации. – Близехонько к нам забирают... Я говорю: пусть не шпуляют сюда. У нас чисто...

Стены канала тряслись от разрывов, осыпаясь тысячами ручейков песка. Десантники инстинктивно прижимались друг к другу, словно плечо товарища могло уберечь их от шального разрыва.

На лицо погибшего младшего сержанта Маркина все время оседала пыль. Рогожину то и дело приходилось смахивать ее. Маленькая дырочка слева на груди закрылась корочкой запекшейся крови и стала похожей на большое родимое пятно.

Дым стлался над рисовыми полями, степью, закрывал солнце. Он полз по дну старого русла, обволакивал десантников серо-коричневыми космами. От него першило в горле и щипало в глазах. Казалось, всю планету заволокло этим дымом.

– Да-а, бардак! – прокомментировал ефрейтор Липин.

Он сидел у глинистой стены канала, обхватив стриженую голову руками. Рядом прикорнул пленный афганец – недавняя жертва ефрейтора. Русский десантник и солдат повстанческой армии были одинаково слабы и беззащитны перед огненной бурей, созданной людьми и безумствовавшей на десятках квадратных километров.

Яркая точка ракетницы зависла в небе.

– Поднимаемся! – бросил Рогожин бойцам. – «Такси» свободно. Эх, прокачу!

«Бээрдээмки» их батальона ждали десантников у шоссе. Стволы семимиллиметровых станковых пулеметов были повернуты в сторону рисовых полей. Раненых, пленных и убитых погрузили внутрь разведывательных машин. Десантники устроились на броне – так было безопаснее. Если «бээрдээмка» подорвется на mine, можно отделаться контузией.

Колонна двигалась вперед по петляющей дороге. Рогожин сидел у башни, держась за ствол пулемета, и дымил сигаретой. Изрытая воронками степь с редкими островками зелени угрюмо молчала.

– Вернусь домой, возьму пузырь водяры – и в лес! – мечтательно произнес ефрейтор Липин. – Растянусь на травке, буду лежать целый день и пить. К ночи ужрюсь, засну... Проснусь и опять буду пить. У нас на Брянщине леса, товарищ сержант, обалденные! Задолбал меня этот Чучмекистан!..

Добравшись до полка, Рогожин узнал, что взводный ранен. Осколок гранаты ударил в глаз и застрял под надбровной дугой. Вместе с другими ранеными взводного отправляют в кабульский госпиталь, где ему предстоит операция.

Рогожин отпросился у комбата и поспешил к самолету. Загрузка шла полным ходом. Легчик-транспортник торопил. Ему хотелось побыстрее убраться из Хоста, пока «духи» не очухались и не вернулись на свои огневые точки в горах.

Новиков лежал на носилках, прикрытый до пояса синим солдатским одеялом. Правая сторона его лица была скрыта под маской из бинтов.

– Здоров, Кутузов, – попытался пошутить Рогожин, но тут же осекся.

Лейтенант страдальчески сморщился.

– Обидно, Димка! – по-родственному назвал он Рогожина. – По глупости схлопотал. Был десантник Новиков и весь вышел. – Лейтенант тяжело вздохнул. – Жаль, семьей не успел обзавестись! Трудноватенько небось одному на дачке ковыряться будет... Ты, Дмитрий, своих ребят береги! За что им тут гибнуть? Влезли, идиоты, в чужую страну и удобряем ее собственными костями...

Откуда-то с гор донесся хлопок.

– Миномет! – равнодушно определил лейтенант. – Отрыгнется, Дмитрий, нам Афган. Всему Союзу...

Двое хмурых солдатиков в застиранной форме подхватили носилки.

– Куда укладывать? – крикнул один из них, а второй равнодушно отозвался:

– Санинструктор покажет!

– Прощай, Дмитрий! – Новиков мигнул уцелевшим глазом, и на ресницах его блеснула мутная от аэродромной пыли капелька слезы.

Рогожин провожал взглядом самолет, пока тот не скрылся из виду.

У КПП части его встретил Липин.

– Я говорил! – тараторил ефрейтор, стараясь попасть в ногу с сержантом. – Порешат «духов»...

– Кто? Каких «духов»? – не понял Рогожин. Все его мысли были о взводном.

– Наших пленных! Ты уехал, а комбат их «педикам» передал... – захлебывался Липин. – Они пленных вывели к арыку, рядом построили и как свиней... – Ефрейтор глотнул воздуха и продолжал: —... Один идет, за волосы башки поднимает, второй ножом глотку подрезает. Скотобойня, блин... Димыч, перебазарь с зампотылом, тельники новые пусть выдадут дембелям. Домой ведь скоро. Ехать не в чем разведчику-десантнику...

– Скажу, Липин! Скажу, дорогой...

Ночью Рогожину приснился сон. Будто огненный вал, дойдя до канала, в котором они прятались, повернул обратно. И вроде пронесся этот смерч над Кабулом, Салангом и Пандшером, перевалил через Гиндукуш, замутил воды Амударьи и ринулся в глубь России. А он, Дмитрий Рогожин, бежал вслед за смерчем по руслу старого канала, проваливаясь в вязкую почву, как в трясины, и ничего не мог сделать, чтобы остановить смертоносный ураган.

* * *

Вывода ограниченного контингента ни Рогожин, ни его взводный не дождались. Подошел дембель, и Рогожин направлялся домой.

По дороге Дмитрий навестил командира в ташкентском госпитале. Обрадованный визитом, Новиков моментально организовал застолье. Пошептавшись с улыбочивой медсестрой-узбечкой, он заполучил ключи от кладовой и, заговорщицки подмигнув, поманил Рогожина за собой.

Уединившись, боевые товарищи, вольготно расположившись на стопках белья, пропустили по чарке, закусили сочными янтарными среднеазиатскими дынями, и неторопливая беседа потекла как ручей.

– Тошно тебе будет дома! – неспешно цедил Новиков. – Отвык ты от гражданки! Здесь, в Афгане, мы понимали друг друга с полуслова! А там... – Он неопределенно махнул рукой.

Рогожин согласно кивал головой.

– В Союзе никому ни до кого нет дела. Народ какой-то психованный стал. Торчит в очередях и грызется между собой. Ты, Дмитрий, возвращайся в армию. Поступай в училище, продолжай семейную традицию. У тебя на роду написано военным быть. С таким послужным списком тебя куда угодно примут, – выстраивал лейтенант сослуживцу планы на будущее.

Поговорив о перспективах, они пропустили еще по одной и предались воспоминаниям, не забывая помянуть погибших да поднять чарку за здоровье живых. Особенно живо обсуждали не битву за дорогу на Хост, а предшествующий ей рейд.

Взвод Новикова передали под командование подполковника-контрразведчика. Подполковник, выражавшийся исключительно матюгами и короткими, рублеными фразами, дал несколько минут на сборы. Сам, не разъясняя задачи, забрался под броню разведывательной машины десанта, засекая время по часам швейцарского производства. Чтобы приобрести такой хронометр, нужно было бы собрать чеки всех офицеров полка и добавить еще столько же.

Форсированным маршем группа добралась до отдаленного кишлака, оставленного жителями. Люди убежали от ужасов войны в соседний Пакистан, забрав с собой скот и нехитрый скарб. Там, в заброшенном селении, подполковник поставил перед десантниками боевую задачу.

Оказалось, что начальник штаба мотострелкового батальона дал деру к «духам», прихватив оперативные карты. Его ловила чуть ли не вся армия. Перебежчик давно установил контакт с афганцами и все тщательно продумал. Моджахеды прикрывали отход беглеца тремя крупными группами. Но контрразведчики пронюхали, что предатель будет уходить в Пакистан по подземным каналам, из которых специально спустят воду.

Необходимо было взять перебежчика до того, как он спустится в каналы. Взвод Новикова пятеро суток просидел у колодца-входа безрезультатно. Люди устали, продукты заканчивались, а подполковник-контрразведчик все сторожил колодцы в кишлаке, словно пес на цепи.

Даже получив сообщение о том, что беглец добрался до Пешавара и раздает интервью западным журналистам, подполковник не снимал засаду. Десантников поражало тупое упрямство контрразведчика, не желавшего признать поражения. Поразмыв, Рогожин и Новиков пришли к выводу, что, возможно, так и должно быть. Упрямство порой единственный путь к достижению цели.

Настойчивого контрразведчика, не снимавшего засады до последнего, звали Петр Михайлович Банников. С солдатами он общался свысока, постоянно подчеркивая свою значимость. Крупный, физически крепкий подполковник, несмотря на излишек веса, хорошо переносил жару и недостаток питьевой воды, выдаваемой строго по норме.

Он часами просиживал на солнцепеке у глинобитного полуразрушенного колодца, бывшего входом в обезвоженные каналы. Иногда подполковник вскакивал на ноги. Сгибался, навалившись грудью на осыпающееся ограждение колодца, и вглядывался в черный непроницаемый туннель. В такие мгновения Банников походил на огромную хищную рыбу, приготовившуюся к атаке. Сходство усиливали идеально прямой нос и широкий рот со скошенными книзу уголками губ. Но, пожалуй, самыми удивительными были округлые глаза Банникова. Холодные, чуть навывкате, они не отражали никаких эмоций. Такие глаза могли принадлежать осьминогу или скорее акуле, чем человеку. За высокомерие и повадки хищника десантники наградили подполковника кличкой Акула, намертво приклеившейся к Банникову.

Долгое сидение в заброшенном кишлаке закончилось безрезультатно. После возвращения в часть подполковник растворился, словно его и не было. Вскоре началась кутерьма с деблокадой дороги на Хост, и о Банникове окончательно забыли.

– А знаешь, этот хмырь-контрразведчик резко рванул на повышение! Получил еще одну большую звезду на погоны и теплое местечко в структурах Генерального штаба! Далеко пойдет! – несколько туманно выразился Новиков, кроя на дольки очередную дыню остро отточенным ножом. – Возможно, Акула будет моим непосредственным начальником. Малозаманчивая перспектива, но мы люди военные, приказы обязаны выполнять!

Рогожин сочувственно пожал плечами.

Прощальное застолье прервалось самым неожиданным образом. Прибежала запыхавшаяся медсестра-узбечка и с порога завопила:

– Сворачивайте банкет, мальчишки! Начальник госпиталя прибыл в отделение. Незапланированная проверка. Ой, намылят же мне голову!

Как полагается настоящим джентльменам и просто мужчинам, умеющим оценить серьезность ситуации, они скоренько ликвидировали следы трапезы. Полупустая бутылка была спрятана в сапог, а дынные корки, выброшенные со второго этажа, удобрили цветочные клумбы госпиталя.

Немного хмельной лейтенант проводил Рогожина до ворот. Постояв в тени, перекурили, оттягивая момент прощания.

– Сколько до самолета? – выпуская едкий дым сигареты без фильтра, спросил Новиков.

– Часа три. Еще успею добраться до аэропорта.

– Значит, расходятся наши дорожки? Свидимся ли еще когда-нибудь?

– Свидимся, командир! Не нагоняй тоску! Войне скоро каюк, так что поживем, поедем друг к другу в гости! Ну, Виктор, до скорого! – Рогожин впервые назвал командира по имени и протянул ладонь для рукопожатия.

За воротами раздалась трель автомобильного гудка. Из здания контрольно-пропускного пункта выскочил дневальный – солдатик в застиранной добела форме. Открыв ворота, он взял под козырек, отдавая честь офицерам, сидевшим в «уазике». Машина въехала на территорию госпиталя. «Уазик» со снятым брезентовым верхом проехал мимо, а затем, притормозив, сдал назад.

Офицер, сидевший рядом с водителем, по-видимому, знал Новикова в лицо. Он весело улыbnулся:

– Как здоровье, лейтенант?

– Заживает словно на собаке! – бодро откликнулся тот, не выпуская ладонь Рогожина.

– Тогда собирайся в столицу. Москва ждать не любит. Хватит бока пролеживать! Пора карьеру делать!

Офицер-балагур тронул водителя за плечо. Подняв облако пыли, «уазик» рванул к корпусу, где располагалась администрация госпиталя.

– Новиков, подгребай оформлять бумаги на выписку! – привстав в машине, выкрикнул офицер, зазывно махнув рукой.

Машина скрылась за поворотом. Товарищи по оружию крепко обнялись. Расставание не было печальным. Скорее наоборот. Позади оставались кровь, пот, изматывающие рейды, свист пуль над головой и бессмысленная война. Так по крайней мере казалось двум десантникам, прошедшим ад Афгана. Они прощались с прошлым, надеясь на будущее.

Судьба разводила дороги сержанта Дмитрия Рогожина и старлея Виктора Новикова, чтобы свести их вновь в совсем иной стране, в другое, жестокое, время перемен.

Будущее никому не дано предугадать.

Глава 3

Поистине те, которые пожирают имущество сирот по несправедливости, пожирают в своем чреве огонь, и будут они гореть в пламени!

Коран, сура 4, аят 10

Пятеро спецназовцев и их командир шли по песку равнины. Двигались они осторожно, с оружием на изготовку, напряженно всматриваясь в гряды холмов.

Ничто не нарушало тишины. Лишь иногда резкий посвист степных зверюшек, предупреждавших собратьев о появлении чужаков, заставлял солдат непроизвольно вздрагивать.

«Молодые, необстрелянные, – думал Святой. Он шел впереди твердым, пружинистым шагом, словно под ногами был не песок, а гладкий асфальт. – К пустыне привыкнуть надо, почувствовать ее...»

Годы, проведенные в военном училище, не стерли из памяти навыки, приобретенные в Афгане. У командования молодой офицер был на особом счету. Ему доверяли исключительно сложные поручения, миссии, которые другим были просто не по плечу. Этот рейд в пустыне относился к разряду экстраординарных.

У склона невысокого холма группа остановилась.

– Мать моя женщина! Падлы, что это они вытворяют! – ахнул Паша Черкасов, солдат второго года службы, оттягивая рукой тельник, словно тот душил его.

Приятель Черкасова, весельчак и балагур младший сержант Коля Серегин, взволнованно добавил:

– Предупреждают! Пойдем по следу, и с нами такое будет...

– Ну уж хрен! – забасил Голубев, прозванный во взводе Слоном. – Я голыми руками им чердаки поскручиваю.

– Заложник?! – полуутвердительно высказался москвич Сергей Скуридин, невысокий жилистый парень с непокорным русым чубом, торчащим из-под выцветшей добела панамы.

Пятый спецназовец, Иван Ковалев, призванный в армию из глухой деревни Архангельской области, как и подобало потомственному помору, эмоции держал при себе.

На деревянном шесте, воткнутом в макушку бархана, была насажена отрубленная человеческая голова. По кровоподтекам, ссадинам и слипшимся от крови темным волосам было ясно, что убитого перед смертью зверски били. Правое полуоторванное ухо едва держалось на тонкой полоске кожи. Зияющие пустые глазницы смотрели вдаль поверх голов десантников. Рот навеки ощерился в дьявольской застывшей улыбке.

У шеста на склоне бархана лежало обезглавленное тело в изорванной гражданской одежде.

– Водитель заводской! – узнал замученного Святой.

Под солнцем тело начинало раздуваться, в нагретом воздухе повис тяжелый запах.

– Передайте: нашли труп водителя, – распорядился лейтенант.

Скуридин снял рацию, отодвинулся от убитого и принялся подстраивать частоты.

– Снимите! – показал Святой на голову, но никто из солдат не шелохнулся.

Командир сам выдернул шест. Отрубленная голова слетела с палки и глухо шлепнулась в песок.

– Похоронить надо! – неуверенно произнес Ковалев. – Лисы объедят.

– Некогда. – Святой обеими руками взял голову и положил рядом с туловищем. – Подберет милиция, передаст родным. Скуридин, что со связью?

– Батарей дохлые! – развел руками радист.

– Проверить поленился?

– По тревоге подняли, когда было проверять! – обиженно шмыгнул носом Скуридин.

Отделение Голубева было лучшим в первом взводе.

Рогожин лично подбирал парней, присматривался к ним, проверял на прочность. Опыт Афгана подсказывал Святому – уверенность в подчиненных удваивает и собственные силы. Жаль, «афганцы» разъехались. Кто домой, кто по госпиталям... А кто нашел успокоение под скромными стандартными гранитными плитами...

Обезглавленное тело спецназовцы присыпали землей. Скуридин продолжал возиться с рацией. Он тщетно вызывал оперативный штаб, координирующий преследование:

– Роза, ответьте Пиону... Роза, я Пион...

Согнутая в дугу порывами ветра, антенна болталась, будто сломанная мачта парусника после бури.

– Нет связи, товарищ старший лейтенант! – Скуридин виновато смотрел воспаленными от попавшего песка глазами. – Может, ракетницей сигнал подадим? «Вертушки» тоже бандюг ищут.

– Продолжай вызывать! – приказал Святой. – Еще десять минут отдыхаем – и вперед! Проверьте оружие, почистите. Можете перекусить...

– Около мертвяка? – Младший сержант Николай Серегин скорчил трагическую мину. – И по такой жаре! Я, если поем, сразу оперу «Риголетто» исполню...

– Тебе шалман посреди пустыни подавай, – подколот его Паша Черкасов.

– Желательно с пивком холодненьким, симпатюлочкой за соседним столиком и музоном отвальным! – продолжал упражняться в мазохизме Серегин. – Пенку с пивка сдуть, пригубить глоточек, посмаковать и рыбки кусочек пожевать... – Он вытянул губы дудочкой, наглядно изображая процесс.

– У нас знатная рыба! – поддался общему расслаблению Ковалев. – Батяня засолит – пальчики оближешь. Сам председатель колхоза его сельди уважает! Когда сына женил, к нам прибежал рыбешки попросить!

– Деревня, глухомань! – переключился Серегин на северянина. – Колхознички! Растят хрен да лебеду кормить сограждан, не поднявших целину.

– Зачем лебеду... Сама растет, – невозмутимо ответил Ковалев. – А хрен я очень уважаю. Особенно со студнем!

– Иван! Ты тормозом прикидываешься или по жизни такой приторможенный? – упражнялся в остроумии младший сержант, сидя на безопасном расстоянии.

Физическая сила спокойного помора была во взводе хорошо известна. Земляк Ломоносова без труда двадцать раз подтягивался на перекладине, а уж крутить «солнышко» мог бесконечно.

– Я же архангельский. У нас «дергунчиков» не любят! – с достоинством, как и подобает истинному «моржееду», отозвался Ковалев.

Он снял рюкзак десантника, достал тряпочку, запакованную в маленький полиэтиленовый пакет, и принялся заботливо протирать затвор автомата.

– Серегин, подвязывай болботню! – сказал командир отделения, старший сержант Голубев. По нраву он походил на Ковалева: такой же рассудительный, скупой на слова. – Трындишь без толку, а автомат весь в песке. Тебе басмачи башку точно спилят!

– Уделаются, Слои! Я же боец непобедимого первого взвода отдельного батальона спецназа! – шутил неунывающий Коля.

– Глохните! Связь есть! – крикнул Скуридин. – Товарищ старший лейтенант! Роза ответила...

– Гербарий какой-то! – сострил напоследок Серегин и умолк.

– ...Обнаружили труп! – Святой говорил, прижимая переговорное устройство к губам. – Координаты передаю... Да! Труп обезглавлен!.. Голова отделена от туловища! Так тебе понятно?.. Да. Предположительно – водитель. Вышлите вертолет забрать останки. Мы продолжаем преследование в северо-западном направлении. На связь выйдем в условленное время. Отбой!

Солдаты прислушивались к разговору. Рация – единственная нить – связывала пятерых спецназовцев со знакомым и понятным миром, где были друзья, гарнизон, солдатская чайная и кино по выходным дням.

Сейчас же они пребывали словно в ином измерении, наполненном страхом, опасностью, лишениями и изнурительным зноем.

– Пашка, тарантул! – восторженно заорал Серегин.

– Где?

– Вон, к Ваньке крадется неформал пустыни! Здоровенный! – указывал пальцем младший сержант. – Щас цапнет его за помидоры! Вань, тикай! Деревня жениха потеряет!

Паук, перебирая мохнатыми лапами-ходулями, прытко преследовал лишь ему видимую добычу. Черные точки глаз казались застывшими капельками смолы, овальная спина, покрытая пушком, была прочерчена невыразительным узором.

Ковалев нашел сухую веточку, осторожно перекрыл дорогу пауку и стал отгонять его в сторону.

– Мочи уroda! Он же ядовитый! – подскочил на ноги Серегин.

– Не надо. Пусть живет! – ответил Иван.

– Слон! Ванька тарантула прибить отказывается! – притворно обиженно обратился к командиру отделения Серегин. – Поймать гада хочет, откормить и на тебя натравить за то, что ты его строевой задолбал!

Спецназовцы обступили насекомое и стали тыкать в него палочками, заставляя тарантула бегать по кругу. Ребята обменивались шутками, устроив забавную перебранку.

– Морда точь-в-точь как у нашего старшины! – заливисто хохотал Серегин.

Его друг, Паша Черкасов, возражал, дергая Серегина за рукав:

– Усы поменьше будут...

– У прапора?

– У таракана этого!

Замечание вызвало новый приступ хохота. Невозмутимый Голубев, обычно не отлучающийся от командира, присоединился к компании.

– И вправду, Ванька, забери паука домой! Посадишь на цепь у порога хату стеречь! – изнемогал от собственных приколов Серегин. – Никакой председатель за рыбой к батяне ходить не станет.

Тарантул наконец не выдержал и угрожающе встал на задние лапы.

– Ого, наглющий, паскуда! – отступил младший сержант. – Огрызается!

– «Черная вдова»! – авторитетно, словно профессор-энтомолог, определил присоединившийся к компании Скуридин. – Эпоксидным клеем его залить и в коробочку. Отвальный брелок для ключей получится!

Ребята галдели, подталкивали друг друга, забыв о трупе, о предстоящем пути, о возможной схватке.

«Детский сад, ей-богу! – думал Святой. – Зачем в армию с восемнадцати лет берут? Ладно бы не воевали, а так в каждой бочке затычка! Но ведь ты-то, старлей, из сапог с восемнадцати не вылезашь!»

Дмитрий сидел на песке, укрывшись с наветренной стороны бархана. Хребет холма не закрывал от него панорамы пустынной равнины, на просторах которой скрылись преследуемые люди.

«Почему они не устроили здесь засаду? – задавал себе вопрос командир. – Среди них есть бывшие военные, это факт! Вон как четко распределили силы при нападении на завод, обезоружили часовых, выбрали пути отхода...»

Вытертая добела «афганка» Святого потемнела от пота на груди и на спине.

«Твердый дезодорант «Олд Спайс» избавит вас от неприятного запаха... придаст уверенности и освежит... «Олд Спайс» для тех, кто любит приключения!» – вспомнил он почему-то рекламу, показанную по телевизору как раз тогда, когда посыльный вломился в дверь с приказом срочно прибыть к командиру батальона.

Отдельный десантно-штурмовой батальон спецназа, выделенный из состава Душанбинской дивизии воздушно-десантных войск, подчинялся непосредственно командованию Среднеазиатского военного округа.

Девяностые годы начинались для южной провинции советской империи страшными погромами в Ферганской долине, первыми нападениями на военнослужащих-славян, попытками разграбления армейских складов.

Батальон напоминал кочующий цыганский табор. До прибытия Святого две роты батальона участвовали в ферганских событиях.

Его непосредственный командир майор Виноградов, опираясь локтями на кухонный стол, застеленный прорезанной, истертой клеенкой, делился воспоминаниями. Свою жену майор под благовидным предлогом попросил выйти из комнаты.

– Едем, механик-водитель в триплексы смотрит и вдруг выть начинает! По-волчьи, знаешь, так, с подвыванием! Я люк открыл, высунулся, а у дороги кол стоит, и на нем человек нанизан.

Командир потер лицо ладонью, словно хотел снять с него гримасу боли и отвращения.

– Скорчился бедолага, как бабочка, на иглу наколотая, грудь, живот до мяса раскровянил собственными руками. Мучился страшно. Я спать лягу – все его вижу, а в ушах крик солдата!

– Из-за чего это происходит? – допытывался Святой.

– Погромы-то? Повод всегда найдется, а в причинах не нам разбираться!

– Осточертело воевать, не зная за что!

– Заваривается здесь каша. Принимай взвод, знакомься с людьми. Чует моя душа, еще навоюемся на родной землице...

Майор как в воду глядел...

– Построиться по полной боевой выкладке! – передал дневальный приказ комбата.

Лязгнули решетчатые двери оружейки. Руки солдат соприкасались с холодной вороненой сталью стволов, пальцы торопливо снаряжали магазины.

В казарму ворвался Виноградов, которого срочно вызвали из дома посыльным.

– Где комбат? – выдохнул он.

– У себя в штабе! Из округа приказ пришел: перебросить батальон в Ош! – ввел его в курс дела Святой.

– Куда? – недоуменно переспросил майор.

– Ош, Киргизия... Самолеты заправляются. К двадцати ноль-ноль мы должны погрузиться вместе с техникой!

– Взводные, ко мне! – скомандовал командир роты и принялся нервно расхаживать по коридору казармы. – Ну что вы там копаетесь?

– Товарищ майор, комбат к себе вызывает! – по-петушиному звонко прокричал дневальный, не опуская трубки телефона.

– Второй, третий взводы – крепить технику, первый – получите сухпай. Рогожин, командуй... – на ходу бросил Виноградов.

Роту он нагнал на аэродроме. Солдаты построились в колонну по двое и стояли, готовые погрузиться в самолет.

Была та самая доля секунды, когда все замирают перед тем, как сделать первый шаг, доверившись крылатой машине. Лица парней были сосредоточенны. Никто не произнес ни единого слова, не говоря уже о шутках. Солдаты придерживали оружие и подсумки, чтобы, не дай бог, звон металла не нарушил тишину.

Острые лучи прожекторов аэродрома прокладывали световые трассы по серому бетону, высвечивали серебристый бок самолета, проникали в его чрево. А надо всем этим нависла чернильная тьма азиатской ночи – молчаливая и загадочная.

Строй спецназовцев походил на фалангу древних воинов, готовых по приказу повелителя выступить в поход – покорять неведомые земли. Они подчинялись чужой воле, не задумывались, в какое пекло их собираются бросить.

Виноградов выглядел расстроенным. Правда, он лихо соскочил с командирского «уазика», уверенным шагом продефилировал по бетонке и нарушил тишину бодрым окликом:

– Как настроение, орлы?

– Нормалек... отлично, товарищ майор! – откликнулся строй по-мальчишески радостными голосами.

Сам вид ротного – статного, широкоплечего мужика – вселял уверенность: с таким командиром не пропадешь, выдержишь и огонь, и медные трубы.

– Рота, слушай мою команду! – зычно крикнул Виноградов. – Повзводно шагом марш!

Колонна дрогнула. Первые спецназовцы, грохоча сапогами по металлу аппарели, вошли в самолет.

– Технику надежно закрепили? – спросил ротный у Святого.

– Я проверял...

– Растяжки натянуты?

– Я проверял, товарищ майор! – повторил Святой. – Что стряслось?

– Беда, Рогожин. В городе второй день погромы идут. Киргизы узбеков, русских... – Майор закурил, сломав несколько спичек. – Под нож, в общем, пускают.

– А милиция где, краснопогонники?

– Ну что ты заладил? Какая, к лешему, милиция! Какие внутренние войска! Комбату округ приказал срочно перебазироваться в Ош. Взять под охрану объекты.

– Какие объекты? – непонимающе переспросил старлей.

– На месте укажут. Представитель округа с нами летит. Давай, Рогожин, дуй к взводу!

Самолет летел уже несколько часов. Фонари светились тусклым молочным светом. Десантный отсек напоминал внутренности библейского кита, который пообедал множеством людей в придачу к пророку Ионе.

Святой прислонился головой к жесткому ребру остова корпуса и заснул. Проснулся он с тяжелой, словно налитой свинцом головой, одуревшей от надсадного рева двигателей.

Самолет оставлял позади все новые километры. Хитроумные электронные приспособления помогали ему не сбиться с пути в ночной мгле.

– Эй, кто курит? – Святой засек в глубине отсека огонек. – Курит кто? Правила напомнить?

– Я это, товарищ старший лейтенант!

– Кто я? – не узнал голоса взводный.

Поднявшаяся с места фигура заслонила проход.

– Голубев, – виновато пробасил командир первого отделения.

– Не ожидал от тебя, сержант! Нарушаешь... – назидательно начал Святой и, внезапно поняв, как глупо его наставления будут звучать сейчас, смущенно замолк. – Садись на место. Я сам к тебе подойду.

Пол самолета исходил мелкой дрожью, и лишь иногда его сильно встряхивало. Осторожно переступая через ноги спящих солдат, Святой пробрался к сержанту.

– Подвинься! – легонько потеснил он одного из отдохавших спецназовцев.

– А по рогам?! – сквозь сон пробормотал тот.

Голубев легонько поддал плечом забияку, да так, что весь ряд покачнулся.

– Я тебе их пообломаю, Скуридин. Совсем нюх потерял! Взводного не пускаешь!

– Извините, товарищ старший лейтенант. Я не разглядел в темноте! – встрепенулся радист первого отделения. – Слон, ты сказать не мог, да? Обязательно как бульдозер...

– Не ерпенься! Спи... – положил руку на плечо солдата Святой.

– Какой тут сон! Рядом с этим мамонтом! Придавит, – недовольно пробурчал Скуридин.

Из полумрака отсека донесся ехидный голос Серегина:

– Тебя задавишь, бобика московского...

– Глохни, пчелка дохлая! – огрызнулся Скуридин.

– Ребята, я вас чего-то не пойму. Слон, пчелка дохлая... Вы что – ветеринары? – рассмеялся Святой. – Ну ладно, блатные с гражданки кликухи приносят. Но вы...

– Все имеет под собой биографическую основу! – подался к нему Скуридин. – Вот Слон, к примеру...

– Что Слон? Про себя расскажи взводному, – глухо протрубил Голубев, пряча притушенный бычок.

– Мы одежду гражданскую сдавали, – не обращая внимания на сержанта, продолжал москвич. – Стоим рядом у склада, прапор по одному запускает, туфтык гонит: мол, все запускаем и по домам отошлем. А у ворот «деды» собрались, отнимают у нас гражданку, кто артачится – в морду. Голубев подошел и тут же в пятак схлопотал: кроссовки отдавать не хотел. Кроссовки, товарищ старший лейтенант, хреновые, одно только название. А Голубев уперся рогом: не сниму, и все тут. Ну ему еще разок торец шлифанули. Тогда он лапищами за железяку какую-то схватился, вырвал ее с мясом и пошел «дедов» гвоздить! – От восторга Скуридин даже проиллюстрировал свой рассказ размашистыми жестами. – По хребтам, по чайникам... Молотит, блин, всех без разбора. Куликово поле... «Деды» пищат: «Скотина, нам же домой, а не в госпиталь!..» К прапору на склад ломятся! Прапор перепугался, никого не пускает, караул, – орет, – вызывайте. Слон носится, кричит: «Всем гробы красным обобью». Потеха! Насилу угомонился. Ну вот... Поуползали «деды», но пригрозили: «Вешайся, «дух», мы тебе этого не простим!» Мы в карантине курс молодого бойца проходили. Жили на первом этаже нашей казармы, да там и сейчас карантин...

Скуридин сделал паузу, давая понять, что переходит к самому интересному.

– Ночью пробралась компания «дедов» и к нам. Двери в карантине после отбоя запираются. С нами двое сержантиков только что из учебки и дневальный на тумбочке. «Деды» дверь долбают сапогами, вопят: «Отдайте нам этого Слона, иначе всех вас уроем». Сержанты, что салажата, испугались, дежурному звонить собрались.

– Ты, Скуридин, себя не забывай! – напомнил Серегин, пробравшийся поближе к командиру.

– Я про Слона...

– Сам уделался со свистом. Забился в сушилку! – перехватил повествование неумный младший сержант Серегин. – Про челюсть сломанную что-то гугнил!

– Лажу прешь, Колян. Не было такого! – пытался перечить посрамленный Скуридин.

– Не впаивай старшему лейтенанту мозги! – оборвал его Серегин и перехватил эстафету. – Прут «деды», хай подняли, что дверь сломают. У нас душа в пятках. По рылу схло-

потать не очень хочется. А Голубь в одних трусах по коридору рассекает, смотрит, как мы мечемся. Ходил, ходил, потом дневального с тумбочки снял. – Серегин переставил автомат, показывая, как это было. – Тумбочку приподнял, она здоровенная, не из фанеры, а из дерева, разогнался и ею в дверь! Точь-в-точь тараном...

– У меня был похожий случай! – неожиданно вставил Святой и усмехнулся. Вспомнился ему бравый солдат Швейк с его знаменитым: «Аналогичный случай был в нашем полку».

– Да ну! – искренне удивился Серегин. – Расскажите!

– Нет, давай ты до конца боевик свой доводи...

– Дверь Слоном вынес! «Деды» врассыпную! Усекли, что тумбочкой по голове схлопотать – вовек не поправиться. Кому на дембель придурком идти хочется. Вот Вася и стал Слоном. – Серегин похлопал Голубева по плечу. – Строгий, но справедливый!

– Ты, Колька, про пчелок давай! – смутился укротитель «дедов».

– Офигели, зачем товарищу старшему лейтенанту стучать! – осекся Серегин.

– Давай выкладывай! Дорога долгая. Надо же мне знать, какими головорезами команду! – иронично заметил развеселившийся Святой. – Вот Голубева я дразнить уже не буду. Рэмбо!

Незаметно проснувшийся взвод собрался около своего командира. Солдаты сели в проходе, подложив под себя рюкзаки.

– Напился Серегин в увольнении, – нехотя начал Скуридин. – Вернулся в часть на полусогнутых. У КПП командир дивизии стоит. Сгреб Коляна, трясет: «Из какого подразделения? Позор! Пьяный спецназовец хуже свиньи...»

«Свинья – животное с наиболее развитым интеллектом, – авторитетно заметил Серегин. – Французы их обучают трюфеля рыть, а англичане на таможне наркотики искать натаскивают».

– Колошматит Коляна, – захлеб тараторил Скуридин. – Посинел комдив от злости...

– Выбирай выражения, трещотка. О командире дивизии говоришь! – одернул Голубев.

– ...А Серегин ему: «Мертвые пчелы не жужжат!» И все!

Взрыв хохота потряс мрачные внутренности транспортника. Громче всех гоготал сам Серегин.

Святой понимал, что должен сказать нечто назидательное о недопустимости пьянства в войсках, но сам смеялся до колик в животе. Отдышавшись, он все-таки выдавил:

– Попадешься, Серегин, я тебе лично клизму литров на пять ввинчу и в клозет сутки пускать не буду!

– Заметано, товарищ старший лейтенант! С киром завязал. У меня трагедия в тот «увал» приключилась...

– Трагедия? Трави про трагедию! – В предвкушении очередного прикола Серегина Святой подобрел. – Курите, парни, кому невтерпеж! Одну сигарету на троих, не больше.

Щелкнули зажигалки, в сумраке затрепетали язычки пламени.

– Подругу я снял. Посылали нас в подшефный детский садик заборы красить... Лафа и расслабуха. День бичевали, а как уходить – начальница пайкой угостить нас решила. Детки распущенные, кашки армейской не пробовали... Мы в столовку. Слоном своим чебуреком в тарелку уткнулся, а я барышню кадрить!..

Слушатели притихли. Эту эпопею Серегин, видимо, выдавал впервые.

– Такой экземпляр! – с восторгом выдохнул младший сержант. – Двадцать восемь лет...

– Пенсионерка! – презрительно фыркнул Скуридин.

– Прикрой хлеборезку! – зашикали на него.

– Параметры по мировому стандарту: ноги от ушей, халат на груди не застегивается, глаза как триплексы. Я заторчал! Слоном пайку детскую уминает, Пашка компота надулся и кемарит, а я цыпу обхаживаю! – чмокнул губами Серегин и сделал паузу.

– Ближе к делу, Колька! Конкретнее... – застонали ребята, предчувствуя развязку.

– Звали ее удивительным именем – Виолетта! «Павшая», между прочим, в переводе с греческого! – блеснул эрудицией Серегин. – Все в масть, пацаны, шло. Телефончик мне оставила, предупредила, что замужем. Но не стенка, отодвинуть можно. Короче, договорились: в «увал» очередной иду – сразу с ней контактируюсь! Слон, дай затянуться, дыхание сперло. Перехожу к драматическому финалу несостоявшейся любви... – Сержант облизал губы и пыхнул сигаретой, тяжело вздохнул. – Встретились мы в скверике. Время – полдень, впереди восемь часов сказки. Виолетта от меня балдеет...

– Во баки Колька заливает! – не выдержал кто-то накала рассказа.

– На скамейке впила в меня! Клянусь, мужики, целует взасос, аж кислород перекрывает! Обмусолила всего. Потом говорит: «Пойдем к подруге. У нее муж водилой междугородных автобусов работает, сейчас в рейсе! На работу забегу, предупрежу напарницу, чтобы прикрыла, если мой благоверный названивать будет!» Братаны! Я горю! Такая женщина в руки плывет! Это вам не со шмарами подзаборными... «Подожди меня на скамеечке», – говорит. Я к ней: «Давай поцелуемся, любимая! Хочу сохранить вкус твоих губ, чтобы не умереть с тоски, ожидая тебя...»

– Во дает! Я – не Лермонтов, не Пушкин, я блатной поэт Кукушкин, – вставил Голубев с явным неодобрением.

– Она в это время губы помадой красила. Я как сказал... Виолетта на меня! – Серегин демонстративно вытер несуществующий пот со лба. – Минут десять... как пиявка – отвечаю! Я весь в сердцах! Башка звенит, воздуха не хватает, гляделки под лоб закатились – полный отвал! Смотрю, подруга белугой как заревет! Что такое? Спрашиваю: «Любимая, кто тебя обидел? Мужа боишься, так я его, козла ревнивого, построю и по струнке ходить заставлю». А она мне в физиономию помадой тычет, сопли размазывает: «Смотри, что она сделала, пока мы целовались. Помада французская «Ив Роше». Глядь, а от этой чертовой помады огрызок остался, и тюбик пластмассовый покусан, весь в трещинках таких маленьких... – Серегин сузил глаза, а затем широко раскрыл их. – У ног моей герлы падла шелудивая стоит – псина вроде полысевшей болонки. Морда наглая, глаза хитрые, и обрубленным хвостом повиливает. Облизывается, зараза. Она к помаде подкралась – Виолетта ее в руках держала и, чтобы меня приобнять, опустила вниз руку – псина помаду и слопала. А говорят, косметику из собачьего жира делают. Вранье! – Серегин с сожалением вздохнул и горестно покачал головой. – Мне бы промолчать или посочувствовать. Я ржать начал. Ой и болван я! Виолетта кипеж подняла. Ножками топает, вопит на меня: «Солдафон бесчувственный!» А я остановиться не могу. Взгляну на псину и опять от смеха помираю. Подруга потопталась около меня и убежала...

– Правильно сделала, – мрачно пробасил Голубев.

– Что оставалось брошенному воину? – задал риторический вопрос Серегин. – Назююкаться! Отправился я на вокзал посмотреть, не изменилось ли расписание моего дембельского поезда, заглянул в буфет, с бичами местными перезнакомился, взяли по «сотке», еще накатили пивком, и понеслось... Как до части добрался? Не помню. Запросто мог оказаться в Ленинграде, в чужой квартире. Сильнейшее отравление с риском для измотанного службой организма заработал...

– Всю «губу» заблевал! – продолжал комментировать командир отделения. – Не умеешь пить – не пей...

Замечания Голубева достигли цели. Серегин фальцетом заголосил:

– Слон, ты мертвого достанешь. Человек драму жизни перед друзьями открывает! Душу наизнанку выворачивает, а ты квакаешь. Нет, не зря тебя Слоном прозвали! Толстокожий ты! Точно слон, только со спиленными бивнями. Пельмень уральский примороженный, – сыпал ругательствами Серегин на потеху снецназовцам.

Транспортники летели в темном небе, словно огромные ночные птицы. Проблески сигнальных огней вспыхивали и гасли через равные промежутки времени, высвечивая на черном небосводе пульс военных самолетов.

Под сенью железных крыльев, как потусторонние видения, распластались просторы азиатских пустынь, бугрились отроги хребтов, горные массивы. Огни городов и поселков редкими пятнами прорывали фантастическое темное пространство, напоминая о том, что здесь все-таки живут люди, а не призраки.

Солдаты поутихли. Усталость брала свое. Задремал незадачливый донжуан Серегин, постолочному интеллигентно посапывал Скуридин. Вытянулся через весь проход архангелогородец Иван Ковалев, придавив плечом Пашу Черкасова.

«Куда посылают генералы этих ребят? Пропади все пропадом... Ош! Шипящее название у этого города, змеиное!» – блуждали мысли, обрывки фраз в голове у Святого.

Транспортный самолет приземлился на закрытом военном аэродроме, чьи взлетно-посадочные полосы могли принимать широкофюзеляжные машины. До города предстоял марш, и комбат поторапливал невыспавшихся солдат:

– Быстрее, что вы, как мухи по стеклу, ползаете. Снимайте крепления! Механики, проверьте все. Никаких остановок на марше! – Подполковник переходил от одной боевой машины к другой, нервно пинал носком сапога скаты.

За ним гурьбой передвигались офицеры, словно за каким-нибудь генерал-аншефом на старинном полотне. Для полноты картины не хватало только треуголок и бакенбард.

Майор Виноградов все допытывался:

– Задачи, товарищ подполковник, нам определены?

– Отстань, Виноградов! Какие задачи? Выдвинуться к городу... – неуверенно отвечал Орлов. – Руководство республики обратилось с просьбой к армии помочь в защите мирного населения. Командующий округом доверил эту миссию нам...

– В Тбилиси тоже доверили! – мрачно произнес майор. – Десантников эсэсовцами после этого называли. Дебилизм, комбат, полнейший. Есть внутренние войска, милиция...

– Завел старую шарманку! – скривился точно от зубной боли Орлов. – Расквартируемся, разберемся в ситуации, а потом поговорим на интересующие тебя темы. Не первый год кашу жуешь, ветеран воздушно-десантных войск, а зудишь похуже сварливой старухи. Пора привыкнуть разнимать дерущихся!

– За-дол-ба-ло, – по слогам произнес командир роты, – роль полицейского исполнять! В данный момент мы кому подчиняемся – Москве или местным деятелям?

– Конечно, Москве! – убежденно ответил Орлов. – Мы же – Советская Армия.

– Советская? – переспросил Виноградов. – Так какого рожна мы тут делаем? Ты ведь был, комбат, в Фергане. Кончилась советская власть в Средней Азии, а может, никогда ее здесь и не было. Всюду местные баи да ханы: захотят – помилуют, захотят – казнят! Мы опять, как в Афгане, крайними окажемся!

– Растрясло тебя в воздухе. Посиди в тенечке! – устало ответил комбат, хотя прекрасно понимал, что это горькая правда.

Пронзительный скрежет металла и вой двигателя «бээрдээмки» смешались в невыносимую для человеческого уха какофонию. Водитель одной из машин в спешке не справился с управлением и, вместо того чтобы плавно спуститься на твердую землю, забрал влево.

Боевая разведывательная десантная машина неуклюже, заваливаясь набок, падала, словно в замедленной съемке. Наконец рухнула. Даже поврежденная, «бээрдээмка» продолжала испускать струи сизоватого дыма и вращать колесами.

Подполковник Орлов опрометью бросился к опрокинувшейся машине. Из люка высунулся по пояс водитель. Он хватался за зачехленный ствол пулемета, пытаясь выползти наружу, но что-то мешало ему это сделать.

Молодое лицо, страдальчески искривившееся от боли и испуга, было запачкано кровью.

– Сынок, ты цел? – Подполковник подхватил парня под мышки.

– Ногам больно... – простонал тот.

Подбежавшие люди обступили БРДМ.

– Зажало чем-то? – легонько потянул Орлов водителя на себя.

– Ушибся о рычаги управления... – прошептал солдат, стискивая зубы, чтобы не закричать.

Словно врач, принимающий роды, Орлов осторожно вытягивал парня из круглого отверстия люка. Ему пытались помочь, но он взглядом показал – не надо, я сам.

Видимых повреждений у водителя не было, но ноги безжизненными плетями сорвались с кромки люка и, шелкнув каблуками сапог, упали на бетон взлетной полосы. Подоспевший санитарструктор суетливо ощупывал солдата.

– Одежда принесите! – закричал Орлов. – Шевелитесь! В мою машину его и в ближайшую больницу!

Тут появился человек в гражданской одежде, которого в суматохе никто не замечал. Несмотря на жару, на нем был официальный костюм-тройка. Мужчина наклонился к подполковнику и строго произнес:

– Ближайшая больница в городе. Но отправлять туда солдата небезопасно.

– Вы кто? – спросил Орлов.

– Второй секретарь обкома партии. Послан лично первым встретить вас! – Слово «первым» чиновник подчеркнул голосом.

На подполковника это не произвело никакого впечатления.

– Сабит Малалатов! – представился партийный босс. Вид второго секретаря, его надутые гладко выбритые щеки, степенные манеры, пухлые руки, сцепленные на животе, традиционная униформа «партайгеноссе» разозлили Орлова.

– Но вы же добрались до аэродрома! – с вызовом сказал подполковник, неодобрительно разглядывая представителя партийной элиты Ошской области. – Маскироваться, судя по всему, вам не пришлось!

– Я местный! – Маслянистая улыбочка расплылась по широкому как блин азиатскому лицу. – В городе и окрестностях очень неспокойно, товарищ военный... Оставьте солдата на аэродроме. Здесь он будет в безопасности. Или самолетом отправьте обратно. Кроме того, больница переполнена, медикаментов не хватает, врачи вряд ли окажут ему необходимую помощь! До свадьбы заживет! Верно? – Киргиз с наигранным состраданием нагнулся над солдатом и протянул руку, чтобы прикоснуться к раненому.

Но Орлов остановил его.

– Мой парень и еще двое поедут в Ош на вашей машине, – неприязненно заявил он. – Вы лично проследите за его размещением и лечением в больнице.

– Первый определил мне иные функции! – высокопарно заявил киргиз и стал буравить подполковника своими узкими азиатскими глазками.

– Какие же? – язвительно спросил Орлов.

– Осуществлять общее политическое руководство. Проконсультировать о местной специфике. Проводить до объектов, которые необходимо взять под охрану...

– Забирайте солдата – и в больницу... Виноградов, выдели двоих для охраны второго секретаря!

– Есть, товарищ подполковник! – козырнул майор.

– Это самоуправство, – надулся «партайгеноссе» и стал похож на объевшегося зерном тушканчика. Его щеки затряслись мелкой дрожью. – Вы игнорируете партийное руководство! Мы будем жаловаться в Главное политуправление и командующему округом! Подполковник, вы рискуете...

Орлов подошел вплотную к киргизу, деликатно взял его за лацкан пиджака и притянул к себе.

– У вас с людей кожу живьем сдирают! Детей насилюют... – Подполковник все сильнее оттягивал лацкан пиджака, заставляя партийца пригибаться. – В этом ваша национальная специфика? Так я ее по Фергане знаю! Риском меня тоже пугать не стоит! Это уже специфика моей службы! Поняли, товарищ второй секретарь?

Киргиз с натужным пыхтением пробовал освободиться из крепких рук подполковника.

– Приказы я получаю от командира полка. Пока имею один: произвести разгрузку и ждать дальнейших указаний, – продолжал Орлов. – Поэтому советую вам побыстрее убраться с аэродрома и в точности исполнить мою просьбу. Настоятельно прошу позаботиться о солдате, товарищ второй секретарь! Через полтора часа, если поступит команда, моя колонна войдет в город. Первое место, которое я посещу, будет больница и палата, где разместят бойца. Вы улавливаете?

Шофер партийного босса вышел из черной «Волги» и буквально разинул рот, наблюдая, как его шефа мутузит какой-то подполковник.

Майор Виноградов, возле которого стоял изумленный «лейб-кучер», деликатно тронул его за подбородок.

– Закрой рот, дружище! Ворона влетит, – сказал он с издевательской заботливостью.

– Ага! – клацнул зубами шофер. Его глаза чуть не выпали из орбит. Происходило неслыханное: второе лицо в области отчитывал простой офицер. У верного нукера коммунистического бая такое ну никак не укладывалось в голове.

– Бегом к своей тачанке заводить мотор! – шепнул ему Виноградов. – Даю тебе полминуты. Не успеешь – раздавлю обкомовскую «Волгу» БРДМом. Ферштейн?

– Так точно, товарищ майор! – встал по стойке «смирно» шофер.

– Не забыл службу! Молодец! – Виноградов одобрительно похлопал водителя по животу, который не уступал чреву второго секретаря. – Постой! – задержал майор перепуганного шофера. – В городе скверно?

– Чего? – не понял тот.

– В городе что творится?

– А!.. – махнул рукой шофер. Жест этот, по всей видимости, должен был означать: словами происходящее не опишешь.

– В машину, уважаемый, и хана своего забрать не забудь. Нам такое дерьмо и даром не нужно!

Последнюю фразу Виноградов сказал вполголоса, чтобы расслышали только свои.

– Майор, прекратите безобразия, – вмешался в разговор своим начальственным баритоном подполковник.

Святой знал: это представитель второго отдела штаба округа, прикомандированный к батальону.

Подполковник симпатий не вызывал. Спецназовцы вообще недолюбливали чужаков, тем более штабистов. А Виноградову удалось разведать, что худой как жердина подполковник с изрытым глубокими оспинами лицом – кадровый сотрудник ГРУ, а точнее – его третьего отдела, занимающегося экстремистами и террористами.

Гэрэушник держался обособленно, демонстрируя свою принадлежность к касте избранных. С офицерами он не общался, холодно отвечал на приветствия, еле открыв рот, словно тот был набит драгоценными камнями, которые подполковник боялся обронить.

Острословы окрестили гэрэушника мультяшной кличкой Гоблин. Подполковник действительно напоминал это фантастическое существо нескладной фигурой, хмурым взглядом и особенно верхней выступающей челюстью, украшенной жиденькими, соломенного цвета усами.

– Заплечных дел мастер! – поставил сокрушительный диагноз майор Виноградов. – От одного взгляда расколешься, ну а если улыбнется...

Почувствовав поддержку со стороны тощего подполковника, киргиз резко рванул лацкан пиджака. Орлов намеренно ослабил хватку, и партиец от рывка потерял равновесие. Всей массой своего грузного тела второй секретарь пошел назад, не удержался на ногах и упал на спину, что-то выкрикнув при этом по-киргизски.

– Не ушиблись? – участливо поинтересовался Орлов. – Машина подана!

Поверженный «партайгеноссе» под сдавленный смех солдат и офицеров поспешно ретировался в «Волгу», где на заднем сиденье уже лежал травмированный спецназовец.

Машина взвизгнула протекторами и рванула с места. У ее заднего бампера, почти касаясь никелированного металла броней, стоял БРДМ, из люка которого высовывался невозмутимый майор Виноградов.

– Чуть краску мне не поцарапал. Лихач! – сокрушенно сказал он, очутившись на земле и озабоченно осматривая нос боевой машины. – Привыкли ездить с мигалками по открытым трассам!

Красный от ярости гэрэушник немедленно принялся прилюдно отчитывать Орлова:

– Как вы посмели из второго секретаря дурака сделать? Да еще в присутствии подчиненных! Это прямой подрыв дисциплины! Я доложу в своем рапорте о вашем поведении!

Комбат достал из нарукавного кармана коробок, вынул спичку и принялся чистить ухо.

– Пробки, товарищ подполковник. Как посадка, так сразу пробки в ушах образуются. Что за напасть... Стыдобища! Все равно что моряк, страдающий морской болезнью. Перед солдатами неудобно, ей-богу! – удрученно бормотал Орлов, давая понять Гоблину, что пробки в ушах – его главная забота на данный момент.

– Придурка из себя корчишь, комбат! – прошипел гэрэушник. – Самоуправством занимаешься! Куда солдата отправил? Он на твоей совести! Там русских режут! Узбеков! Сводки не читал?

– В руках ваши поганые сводки не держал! – огрызнулся Орлов. – Ты, подполковник, не ори! Знаю я вас, бойцов невидимого фронта. Штаны просиживаете по кабинетам. Ни одного события предотвратить не смогли. КГБ, МВД, ГРУ... – никто вовремя не сработал! Позволили распоясаться разной дряни! Пожарники! Прибегаете тогда, когда уже тушить нечего! Занимайте свое место в БРДМ и не путайтесь под ногами!

У подполковника по прозвищу Гоблин нервно задергалась щека.

– Клевета! – взвизгнул он. – Начитались всяких «Огоньков». Все национальные конфликты спровоцированы из-за рубежа...

– Хорош мозги впаивать! – брезгливо отмахнулся от набивших оскомину речей Орлов. – Самый захудалый замполит постесняется нести такую чушь. Кто-то стравливает людей, чтобы власть удержать!

– Вы на что намекаете? – свистящим шепотом спросил подполковник. – Комбат, вы партийным и государственным органам вменяете организацию погромов?

Орлов пошел на попятную. Такие обвинения могли повлечь за собой серьезные последствия, вплоть до... Конечно, не до расстрела, как когда-то, и не до тюрьмы или психушки, как в совсем недавние времена, но до увольнения из армии. А без нее комбат своей жизни не представлял.

– Ваши домыслы оставьте при себе! – бросил Орлов. – Ничего такого я не говорил! Вон все вокруг подтвердят!

Толпа поддержала своего командира гулом голосов:

– Не шейте комбату политику... Командир прав – мы затычки в каждой дырке...

Отстаньте от него, товарищ подполковник!

Гоблин растерянно оглянулся. С такой волной неприязни ему еще не приходилось сталкиваться. Он напыщенно выпятил нижнюю губу, разгладил жидкие усики, метнул в Орлова недвусмысленный взгляд и, слегка сутулясь, с прижатыми к туловищу руками засеменял прочь.

– Смотри, Святой! Гоблин грабли к телу тиснет! – тихо сказал Виноградов.

– Ну и что?

– Как что? Первейший признак неискреннего, скрытного человека... – по-детски радуясь своему открытию, объявил командир роты.

– Откуда ты выкопал это?

– Ломброзо, величайшего психолога-криминалиста, читать надо. Темнотища! – Майор ткнул Святого кулаком в бок. – Человек – открытая книга, но не всякий понимает ее словеса!

– Кто-то из восточных мудрецов?

– Точно! Великий халдей и звездочет, астроном-прорицатель халифа правверных, бездомный дервиш в голубом берете ибн-Виноградов подарил миру сии словеса! – с лукавой улыбкой выпалил майор. – Добро! Хватит хохмить, Дмитрий! Твои будут головными в колонне!.. До города полтора часа ходу...

– Пулеметы расчехлять?

– Комбат скажет. Я думаю – да! Предельно внимательным будь на въезде и улицах. Могут бросать бутылки с бензином. В Фергане два экипажа сожгли! Без надобности не высывайся. Под броней надежнее. Мин пока здесь ставить не научились! Что еще? – Виноградов наморщил лоб. – Вроде все. За тобой идет весь батальон!

– Карты города нет! Куда продвигаться? Может, зря Орлов местного отшил? Заблудимся!

– У Гоблина есть карта. С ним связь держи, частоты он укажет. Формально руководит действиями батальона он. Так Орлову из округа приказали через командира полка. – Майор раскрутил флягу с водой и сделал глоток.

Тонкая струйка повисла капельками на выступившей щетине.

– Спецзадание... – протянул Виноградов и вытер подбородок. – Ох и не люблю я всякие спецзадания! Поставят кольцом вокруг обкома и сиди, глазей на бесчинства.

– Нет, здесь что-то посерьезнее! – с сомнением покачал головой Святой. – Целый батальон перебросили. Транспортники гоняли...

– Балда! – постучал себя костяшками пальцев по лбу майор. – Сюда командующий охотиться с вертолетов приезжал. Горных козлов стреляли. Может, одолжил нас первому по старой дружбе! Пойду к третьему взводу. Что-то они копошатся долго.

– Хорошо, командир.

– А ты помаленьку выруливай к шоссе. Бойцам скажи: пусть боекомплекты подготовят, ленты в пулеметы заправят. И вообще, быть начеку! – Виноградов вскинул кулак в традиционном жесте бойцов испанских интербригад, знакомом по фильмам и книгам об одном из первых интернациональных долгов, выплаченных жизнями советских солдат.

Забылась история той давней войны, поумирали почти все ее оставшиеся в живых участники, а вот красивый героический жест запомнился надолго...

Под пленкой планшета полевой сумки лежала карта. Устроившись поудобнее, насколько позволяло тесное пространство разведывательной машины, Святой рассматривал западную часть республики.

Военная карта – не географический атлас для средних школ. На ней видны подробности, недоступные непосвященным. Топографическая служба Министерства обороны заботливо нанесла каждый проселок, каждую тропу и аул, пометила броды и горные перевалы.

Двумя рукавами охватывали Киргизию горные хребты: с юга, со стороны китайской границы – Алайский хребет, с севера – Таласский Алатау и Чаткальский хребет. Преобладающим цветом на карте был охристо-желтый, цвет высокогорий и пустынь.

Джалал-Абад, Суфи-Курган, Узген – названия районных центров напоминали Святому до боли знакомые: Герат, Мазари-Шариф, Джелалабад, Кабул. Созвучие неприятно кольнуло его.

«До чего похоже! – подумал Святой. – И природа неотличима: горы, пустынные равнины...»

– Изучаете карту, старший лейтенант? – заглянул в открытый люк длинный подполковник. – Выйдите наружу!

Святой свернул карту, но прятать ее в планшет не стал. Выбравшись из БРДМ, он отпартовал:

– Командир первого взвода старший лейтенант Рогожин!

– Вы впереди колонны пойдете?

– Так точно!

– Вот частоты. – Гоблин подал бумажку с цифрами. – Связь держать постоянно! У пединститута колонна разделится. Вы отправитесь на северо-запад, за пределы города. Движемся с предельной скоростью. На призывы местных жителей не отвечать.

– Ясно, товарищ подполковник.

– Заметите группы людей с красными повязками на головах – немедленно сообщайте. Это боевики националистической организации «Ош аймагы».

– Они вооружены? – спросил Святой.

– Возможно! – уклончиво ответил подполковник. – В стычки вступать не следует. У нас другая задача: взять под охрану стратегические объекты, имеющие ключевое значение для обороноспособности всей нашей Родины! – завел Гоблин пропагандистскую шарманку.

– Ты какого мнения об Орлове? – словно невзначай спросил он.

– Отличный командир. Несколько резковат, правда, и чиновников не уважает! – ответил Святой. – Я с ним нашел общий язык.

– Коммуникабельность – незаменимое качество в нашем деле! – назидательно произнес Штирлиц новой формации, выпятив по-верблюжьи нижнюю губу. – Ты меня информируй о настроениях в батальоне, различных высказываниях... Держи руку на пульсе событий!

Подполковник вербовал Святого нагло, не маскируясь словами о долге и присяге.

Святой счел нужным принять правила игры и столь же прямо ответил:

– Стукачом не был и становиться им не собираюсь. Поищите другого! Но в моем взводе народ несознательный...

– То есть? – Брови Гоблина взметнулись вверх.

– За такое предложение могут врезать! Спецназовцы, что с них взять! Парни грубые, неотесанные. Дисбата не боятся!

Из БРДМ высунулась физиономия Серегина. Солдат сдвинул шлемофон на затылок, чтобы не упустить ни одного слова.

– Скройся! – цыкнул на чрезмерно любопытного подчиненного старлей. – Простите, товарищ подполковник, мне неприятно с вами разговаривать.

Гоблин разочарованно вздохнул:

– В армии, старший лейтенант, ты себе карьеры не сделаешь. Я тебе обещаю...

– Орлова тоже в черные списки внесли?

– Внес! – нагло подтвердил подполковник.

– Спасибо! – бесстрастно поблагодарил Святой.

Брови подполковника вновь взметнулись вверх и сошлись у переносицы в одной точке.

– Спасибо, что внесли меня в почетный список, – пояснил старлей, видя недоумение подполковника. – Скоро все офицеры десантно-штурмового батальона окажутся там. Я предупрежу: пусть подходят, записываются!

К машине широкими шагами двигался Виноградов. Он время от времени отхлебывал из фляжки, с бульканьем прополаскивал горло и что-то напевал, как оперный тенор перед концертом. Не доходя нескольких метров до машины, он закрутил фляжку и спрятал ее за спину.

– Задачу ставите? – обратился майор к Гоблину.

У того затрепетали ноздри.

– Не принохивайтесь, – грубо одернул подозрительного гэрэушника Виноградов. – Компот пью! Жена сварила. Как раз кастрюлю сняла с газа перед приходом посыльного. Очень от тошноты помогает! – Майор был не в духе. – Антиалкогольная кампания продолжается?

– Бешеные вы все здесь! – в сердцах бросил подполковник и побрел вдоль выстроившейся колонны.

Командир роты посмотрел ему вслед:

– Странный тип. Вечно сморщенный, точно под носом кусок дерьма!

– Вербовал меня, – равнодушно сказал Святой. – Стучать на Орлова и офицеров батальона предлагал!

– Да ну? А ты?

– Пообещал приносить доносы в розовых конвертиках на серебряном подносе!

– Молоток! – обрадовался майор. – Я и от себя добавлять буду. Можно? Во-первых, пусть засунет свой шнобель ко мне... Я ему... – Виноградов понес такую виртуозную похабщину, от которой проступила краска даже у Рогожина, которого никак нельзя было назвать кисейной барышней.

В БРДМ зашелся смехом Колька Серегин.

– Подслушал, сморчок! – улыбнулся Святой.

– Пусть повеселятся парни! – произнес довольный командир роты. Казалось, он вот-вот раскланяется и начнет раздавать автографы. – Эй, Колян, не очень там... Штаны стирать придется, а с водой здесь туго!

– Не могу, товарищ майор! – высунулся раскрасневшийся солдат. – И вправду в штаны наделаю!

– Беги в кусты, пока есть время! – хохотал Виноградов.

– По машинам! – пронеслось вдоль колонны. – Приготовиться к движению!

Расчехленные стволы грозно уткнулись в густо-синее южное небо.

Святой поднес к губам эбонитовый кружок ларингофона.

– Первый, поехали?

– Давай, Рогожин, газуй! – звучал искаженный помехами голос комбата.

Батальон покидал территорию закрытого военного аэродрома...

– Предельное внимание! Въезжаем в город! Предельное внимание! – вышел на связь подполковник Орлов. – Рогожин, засекай участки, наиболее уязвимые для нас. Возможно нападение на колонну!

– Первый, все понял! Пока все нормально! – Святой не отрывался от триплексов.

Город был пустынен и молчалив. Проезжая окраины, старлей видел сторевшие дома, завалы из бревен, перекрывавшие выход на улицы.

– Продвигайся к пединституту! – приказывал командир батальона.

Его корректировал подполковник-гэрэушник:

– Площадь прошел?

– Да...

– Сворачивай налево!

В переговоры врывался Орлов:

– Седьмой, почему отстал? Дистанцию сохранять! Не растягиваться!

Колонна БРДМ десантно-штурмового батальона – зрелище устрашающее. Вереница бронированных машин с включенными подфарниками, рыскающими башнями с чернеющими стволами пулеметов, горящими красными хвостовыми огнями привлекала внимание горожан. То в одном, то в другом окне появлялось бледное лицо. Люди с надеждой смотрели на грозные машины, в которых сидели – нет, не советские, русские воины.

Погромы в городе длились уже два дня. Боевики «Ош аймагы» спровоцировали толпу на то, чтобы жечь дома узбеков и турок-месхетинцев. Юнцы орали националистические лозунги, мерзавцы попрактичнее грабили, садисты измывались над жертвами...

Центр был почти не тронут. Но улицы окраин превратились в сплошные пепелища и братские могилы.

– Товарищ старший лейтенант! Читали на доме? – спросил Серегин срывающимся от волнения голосом. Он вел БРДМ, изучая дорогу через приоткрытый смотровой люк.

– Ругань какая-нибудь? – скептически усмехнулся Святой.

– Не-а... – протянул Николай. – «Солдаты, миленькие, спасите нас...» Мелом написано, товарищ старший лейтенант!

– На дорогу смотри, Серегин! Поворот не пропусти...

– Мамочка родная!.. – запричитал спецназовец. – Озверели люди.

У здания пединститута головной БРДМ остановился. Подтягивались и остальные, заполняя пространство дымом отработанной солярки.

Невесть откуда вынырнули солдаты с красными погонами внутренних войск. Небритый офицер в замусоленном кителе, перетянтом портупеей, с открытой кобурой и болтающейся на ремне переносной рацией постучал по броне:

– Привет, десантура!

Святой выглянул наружу:

– Здорово!

– Подкрепление прибыло? – устало спросил офицер. Он исподлобья рассматривал Святого. – Поздновато! Курить есть?

– Держите, товарищ капитан! – Вездесущий Серегин подал смятую пачку «Примы».

– Елки-палки! – огорчился вэвэшник. – Поломал все сигареты! Одна труха. Ничего, сейчас самокруточку заделаем! Егоров, принеси листовок!

Солдатик в каске, постоянно съезжавшей ему на глаза, юркнул за спину капитана. Секунду спустя он уже нес стопку белых листов.

– Куда столько, Егоров?

Капитан достал один листок, аккуратно ссыпал в него табак из пачки и мастерски скрутил «козью ногу», какими тешились русские воины еще на позициях под Сталинградом и Курском и даже раньше – под Перемышлем и Сморгонью.

– Хорошо! – От блаженства капитан присел на корточки, прислонился спиной к колесу БРДМ.

– Покажи, что у тебя? – Святой подозвал солдатика в великоватой каске.

– Дай лейтенанту, Егоров. Пусть поизучает! – донесся сквозь клубы дыма голос капитана.

Святой держал в руках листовку, пробегая взглядом текст:

«... в торговле и общественном питании узбеков и русских руководителей заменить киргизами;

– в магазинах, быткомбинатах, парикмахерских, ресторанах принимать на работу киргизов;

– работающих в системе автотранспорта, техобслуживания, дорожно-транспортных службах, участках, хлебозаводах, заводах, ЖБИ, заготконторах, работников железнодорожного транспорта русских и узбеков довести до минимума и в большинстве заменить киргизами;
– добиться, чтобы в животноводстве и сельском хозяйстве работало больше узбеков и русских;

– если узбеки и русские спокойно не могут жить на киргизской земле, пусть уезжают!

«Ош аймагы»

– Эта подтирка по всему городу расклеена! – подал голос капитан. – Вы в пригороде улицы перекроете?

– Не знаю! – ответил Святой. – Командир решает!

– Я к обкому! Снова митинг начинается! – Капитан созвал солдат, махнул на прощание рукой и скрылся.

– Товарищ старший лейтенант, к комбату! – Незнакомый сержант, запыхавшись от быстрого бега, передал приказ и повернул обратно.

Святой поспешил за ним.

Около Орлова уже собрались офицеры и несколько местных деятелей, подъехавших на легковых автомобилях.

– Рогожин, поступаешь в распоряжение подполковника Дронова! – коротко бросил Орлов. – Виноградов в курсе.

Гэрэушник подхватил Святого под локоть:

– По машинам, лейтенант!

– Как? Мы не останемся в городе? – спросил взводный. Ему не хотелось отрываться от своих, а тем более подчиняться Гоблину.

Подполковник энергично затряс головой:

– Возьмем под охрану стратегические склады. Бункера тридцать километров отсюда. На северо-западе... Выводи машины на Ферганское шоссе. Поедешь по указателям! Я следом...

Святой построил взвод, довел распоряжение Орлова до личного состава.

– Вопросы есть? Вопросов нет! Выдвигаемся на указанный объект!..

На толпу они все-таки напоролись. Напоролись у самого выезда, где в зелени садов утопали уютные дома.

– Что это? – обернулся Серегин. – Туман?

Святой открыл крышку люка.

– Дом горит! – констатировал он.

Сизая полоса дыма стлалась по асфальту. Взводный ошибся – горели несколько домов. Перед БРДМ неожиданно промчался всадник. Сидевший на неоседланной лошади человек что-то неразборчиво прокричал, пригрозил проезжающим машинам кулаком и скрылся за кустами.

Дома горели в глубине улицы. Огня из-за деревьев видно не было. Только сизый удушливый дым, прибываемый ветром к земле, проникал через посадки.

Улица – грунтовая дорога с рядами домов – была перекрыта завалом из деревьев и фрагментами заборов.

– Сворачивай, Серегин... – сказал Святой.

– Завал не пройдем! – резонно заметил водитель БРДМ.

Стволы спиленных деревьев действительно были слишком велики. Завал укрепляли поваленные бетонные столбы.

– Отделение Голубева, за мной! – выпалил в ларингофон Святой. У завала спецназовцев встретила растрепанная женщина с безумными глазами.

– Не ходите туда! Их много... – кричала она, заламывая руки.

– Пристегнуть магазины! – скомандовал Святой. За спиной послышался топот солдат. – Очереди поверх голов... В людей не стрелять!

То, что увидели спецназовцы, напомнило им иллюстрацию из учебника по истории Средних веков. Группы людей, многие из которых были обнажены по пояс, метались с чадящими факелами.

Головы «факельщиков» были обмотаны красными повязками. Погромщики действовали открыто, уверенные в своей безнаказанности. Одни из них в остервенении били окна домов, другие плескали бензином из пластиковых канистр вокруг строений. Карательная акция была в самом разгаре.

Посреди улицы стоял «ГАЗ-66» с открытыми бортами. Несколько окровавленных тел уже лежали в кузове, точно освежеванные туши.

– Стоять, суки драные! – закричал Святой. – Стоять!

Приземистый кривоногий киргиз, оказавшийся ближе всех к Святому, бросил ему под ноги бутылку. Она лопнула с тихим звоном, и синее прозрачное пламя заплясало на земле. Его языки лизнули ноги офицера.

– Горите, товарищ старший лейтенант! – истошно заорал Серегин.

И в ту же секунду офицера сбил с ног Голубев, навалился всем телом, гася пламя.

Хлопки автоматных очередей не произвели на погромщиков впечатления. Негодяи в повязках бросили на время свои жертвы и стали выползать из разграбленных домов, сбиваясь в стаю.

Голубев помог Святому подняться. Огонь не успел прожечь ткань, только черно-рыжие подпалины остались на зелени брюк.

Киргизов было больше, чем спецназовцев, – человек пятьдесят.

– Коля, возвращайся к взводу! – на ходу бросил Святой. – Не справимся...

Мысленно он всячески ругал себя за опрометчивость.

Офицер знал, как действовать. Погромщики и сами дали маху. Вместо того чтобы навалиться всей кучей, используя свое десятикратное превосходство, они топтались на месте.

Расталкивая бандитов, на середину вышел коренастый крепыш с бычьей шеей. Черная майка обтягивала его мощный торс.

В руках киргиз держал стальной отрезок трубы. К ее срезанному под острым углом концу прилипло несколько длинных волос, и вся палка была обрызгана чем-то вроде малинового сиропа – смесью крови и человеческого мозга.

– Десантура! Я тоже в десантуре служил! – нагло ухмыляясь, промычал погромщик, показывая плечо с голубой наколкой.

Весьма искушенный ротный живописец изобразил там орла, который держал в клюве развешивающуюся ленту с аббревиатурой ОКСА.

– Схлестнемся! – переложил трубу из одной руки в другую погромщик.

Святой отдал Голубеву «АКС», передвинул кобуру.

– Что же вы, ребята, безобразничаете? – довольно миролюбиво сказал он.

Острая боль в ключице пронзила тело офицера. Киргиз ударил его наотмашь, продолжая скалиться крокодилей улыбкой. Бывший десантник Советской Армии наотмашь ударил такого же десантника оружием, обращаясь с которым их не учил ни один инструктор.

Толпа взывала от восторга. Святой сделал шаг назад, расчищая поле для маневра. Следующий удар нападавший намеревался нанести по голове, но Рогожин перехватил его запястье и потянул на себя, одновременно проворачивая собственное тело для броска.

Святой вложил в бросок все свои силы. Туша погромщика описала в воздухе дугу и грохнулась на землю. Настала очередь ликовать спецназовцам.

Киргиз с трудом поднялся. Вначале он перевернулся на живот, подогнул локти и приподнял зад, затем встал на четвереньки. Святой положил ему руку на собравшийся в складки загривок:

– Хорош бузить! Уводи своих людей...

Вместо ответа погромщик пнул офицера головой в пах. Удар был не сильный, но ощутимый. Подняться резвому отставному десантнику Святой не позволил. Он зажал голову успешного отпрыгнуть противника ногами, уселся на его бычьей шее, выкрутил руку с трубой, перехватил классическое орудие варваров конца двадцатого века и стал лупить киргиза по незащищенным бокам.

– Получай, урод! – приговаривал Святой.

Сподвижники бандита не вмешивались в единоборство. Собственно говоря, оно было закончено. Порция ударов стальной трубой вырубил бугая в черной майке. Он уткнулся лбом в землю, поджимая под себя ноги и скуля от боли.

Кольцо вокруг спецназовцев сомкнулось. В руках у киргизов блестели ножи, осколки стекла, обрезки арматуры.

«Очередями первые ряды скосим, но остальные – разорвут!» – понял Святой.

– Эй, офицерюга, прикажи своим ослам опустить пушки! – выкрикнул кто-то из толпы. – К жене живым вернуться хочешь?

Зажатые угрюмым стадом, опьяненным наркотиками и кровью, спецназовцы плотней прижимались друг к другу.

– Оставайтесь у нас! Нам рабы нужны! – кривлялся прямо перед Святым безусый пацан лет пятнадцати. Красная повязка пламенела на его угольно-черных волосах.

– Ребята, прорываемся! – шепнул старший лейтенант, наметив место, где погромщиков было поменьше, и указав на него движением глаз.

Первым таранил боевиков Голубев. Размахивая автоматом, словно древний воин мечом, он прокладывал дорогу. Парочка черепов хрустнула под его ударами. Остальные солдаты двигались за ним...

Натиск был столь стремителен, что погромщики опешили. Группа прорвалась сквозь кольцо.

Святой бежал последним.

– К машинам, ребята, скорее! – крикнул он. Взводный был уверен: никто не остался среди бандитов, и это самое главное!

А навстречу, обнаружив брешь в завале, летели БРДМ...

Из всех стволов крупнокалиберных пулеметов ударил град свинца, отсекая командира и ребят от очумелого зверья. Откидывались люки бронемашин, прыгали очертя голову спецназовцы, поднимались на ноги и бежали к Рогожину. Впереди всех неся Серегин, размахивая саперной лопаткой и потрясая автоматом.

– Вот я вас, урюки! – орал он.

Шайка погромщиков кинулась врассыпную, надеясь спастись за заборами и в домах. Солдаты настигали их и били. Били нещадно, как бьют бешеных собак. Но еще более беспощадными были жители домов, покинувшие свои укрытия, чтобы рассчитаться с истязателями.

Святой видел, как пожилой мужчина подобрал осколок кирпича и швырнул его в голову безусого юнца, еще недавно желавшего стать рабовладельцем. Пацан как будто напоролся на невидимую преграду, изогнулся дугой и упал, хрипя в предсмертной агонии.

Дебелая женщина в рваной кофте поверх нижнего белья с яростью фурии пинала ногами тело пацана, пока оно не перестало дергаться.

– Прекратить самосуд! – надрывно кричал Святой в пустоту.

Две БРДМ перегородили участок улицы. На этот квадрат Святой согнал оставшихся в живых погромщиков. Солдатам приходилось буквально вырывать их из рук жителей сожженной улицы.

Протрезвевшие, избитые, в кровоподтеках и ссадинах, недавние хозяева положения покорно садились на корточки, заложив руки за головы.

Солдаты теснили жителей улицы, призывавших добить бандитов. Седой старик узбек колотил клюкой по груди Святого:

– Они – шакалы! Изверги! Внучку обесчестили! Девочка на каникулы приехала, ей четырнадцать лет... – Старик рыдал как дитя. – Сынок, я войну прошел! Такого зверства не видел! Они же хуже фашистов! Аллаха забыли! Но он их покарает! Всевышний накажет отступников!

Половина бороды аксакала была вырвана с корнем, а на руках багровели следы от ударов палкой.

– Дед, кто тебя разукрасил? – спросил Голубев, косясь на командира. Иван Ковалев заслонил сержанта спиной.

– Вон тот и тот! – трясущимся узловатым пальцем правой руки показал старик на притихших громил.

Голубев, Ковалев, Паша Черкасов и Серегин схватили подонка, издевавшегося над стариком и девчонкой, били ногами. Затем боевика подхватили за руки, поволокли словно куль и с размаху швырнули на землю.

Напоследок Серегин заехал насильнику сапогом в причинное место, произнеся:

– Женилка тебе ни к чему... Порезвился с малолеткой – отдохни...

Святой экзекуции не замечал. Он сам с удовольствием располосовал бы этих борцов за чистоту нации.

– Я умоляю... – просила женщина жгучей восточной красоты. – Не оставляйте нас! Вы уйдете, а они нас убьют! – Судя по паутине, застрявшей в волосах, женщина пряталась на чердаке или в подвале.

– Успокойтесь! Скоро милиция прибудет... – начал старший лейтенант, не в силах отвести взгляда от глубокого выреза на ее платье.

Женщина была само совершенство. Точеная гибкая фигура, огромные глаза под сенью густых ресниц – такие вдохновляли поэтов Востока.

– Милиция стреляла в нас! – выкрикнула красавица. – Оставайтесь!

Ее слова эхом отозвались со всех сторон. Узбеки, русские, киргизы просили об одном: оставайтесь. Они не верили своим партийным боссам, местным властям, милиции, ничего не предпринявшим, чтобы предотвратить избиение.

Святой вернулся к пленным.

– Куда их? – спросил сержант Голубев и выпустил кольцо табачного дыма.

– В расход! – с усмешкой ответил Серегин.

– Первому сообщили... Краснопогонники, а может, милиция заберет!

Внимание Святого привлек интеллигентного вида молодой человек, отличающийся от остальных погромщиков отрешенным взглядом, явно не крестьянскими руками, брезгливо поджатыми губами.

Тонкие черты лица могли бы сделать парня привлекательным, если бы не змеиная улыбка, кривившая губы.

– Смешно, парень? – кивнул Святой в сторону машины «Скорой помощи», принимающей очередные носилки с раненым.

– Отнюдь, – спокойно ответил интеллигент. Он достал из кармана рубашки темно-коричневый футляр, извлек из него очки, надел и, словно увидев все четче и яснее, с удовлетворением произнес: – Я понимаю, вы старший из карателей?

– Что-то ты перепутал. Это вы каратели, а мы спасатели! – хлестнул словами Святой.

– Спасатели? Ну нет! – В очках парень выглядел как соискатель степени кандидата наук, уголки его рта сползли к подбородку. – Вы, русские, всегда считали нас людьми второго сорта. Уничтожали наш народ! Заставляли подыхать на хлопковых полях! Настало время освободиться! И нам с вами не по пути! Уйдите по-хорошему! Мы создадим великое государство тюрок! Вы, русские, доведены коммунистами до нулевого состояния! Ваш единственный шанс – принять ислам!

– Это ты во имя будущего великого государства кромсаешь единоверцев? По велению Аллаха насилуешь девочек? Над стариком надругались, следуя заповедям пророка? – Святой ударил «идеолога» по щеке раз, другой. Не в силах остановиться, он как заведенный хлестал по физиономии местного доктора Геббельса. – Словоблудия тебе мало, профессор?! Человечины захотелось!

Спецназовцы насилу оттащили от него командира. Свалившиеся очки хрустнули под подошвой солдатского сапога.

Пожилая киргизка брела между полыхающими домами, не узнавая родной улицы, сгибаясь в поясном поклоне перед каждым солдатом.

Глава 4

*Помни о смерти, познай самого себя, ни за кого не ручайся...
Надпись на камне в Дельфийском храме Аполлона*

Рекомендованный для дальнейшего прохождения службы в подразделения Генштаба, старший лейтенант Новиков отбыл в Москву.

Транспортник приземлился, грузно шлепнувшись на бетонку закрытого военного аэродрома, расположенного в ближнем Подмоскowie. У трапа лейтенанта уже поджидал насупленный представитель Генштаба. Майор с изрытым оспинами лицом недовольно буркнул:

– Опоздываем, лейтенант! Быстро в машину!

Ни огрызаться, ни оправдываться Новиков не стал. Устроившись на заднем сиденье «Волги», он наслаждался неброскими пейзажами среднерусской полосы, по которым так скучал в горах и пустынях.

Десятый отдел Генерального штаба занимался вопросами экспорта советского оружия, подготовкой военных советников и обучением иностранных военнослужащих тактике партизанской войны. Служить в «десятке» было престижно и весьма выгодно с материальной стороны. Отправиться куда-нибудь военным советником означало обеспечить себя на долгие годы жизни.

Впрочем, о выгоде лейтенант не размышлял. Среди высоких потолков, деловито снующих людей, сверкающих надраенных полов и прочего великолепия боевой офицер, привыкший к спартанским условиям казармы или какого-нибудь сборного домика модульного типа, чувствовал себя не в своей тарелке.

Хмурый майор пошутукался с дежурным, передал сопроводительные бумаги и сухо бросил:

– Новиков, следуйте за дежурным.

Старлея вели по бесконечным коридорам Генерального штаба. Сопровождающий был молчалив, но приветлив. Он то и дело оборачивался и ободряюще улыбался:

– Сюда, пожалуйста!

Дверь отворилась. Маленький кабинет. Ничего лишнего: обязательный портрет, стол, несколько стульев у стены, пепельница под хрусталь на втором столике с придвинутыми двумя креслами.

Сопровождающий вышел, и Новиков остался один. Устроившись в кресле, он поправил узел галстука, одернул мундир. Мелодичный звон боевых наград нарушил тишину.

Ждать пришлось недолго. Грузный генерал-майор с нездоровым, отекающим лицом и старый знакомый Банников с погонами полковника на плечах, переговариваясь между собой, вошли в кабинет.

– Товарищ генерал, – обращаясь к старшему по званию, начал Виктор, – старший лейтенант Новиков...

– Садись! – остановил его генерал. – В кресло садись!

Сам он устроился за столом, предложил сигареты:

– Кури, лейтенант. Отвык небось от приличного курева-то?

Курево было поистине генеральским: «Данхил», лучшие сигареты в мире, как без излишней скромности заявлял поставщик английской королевы.

– Спасибо. После пайковых «Охотничьих» мне надо всю пачку выкурить, чтобы накуриться, – отказался Новиков.

– «Болотная смерть», – усмехнулся генерал. – Я ими сердце посадил. Из какой гадости их делают? «Планом» в Афгане не увлекался? – задал неприятный вопрос генерал-майор.

– Некогда было! – нахмурился Виктор.

– Расслабься, Новиков. Не напрягайся. Наркотиками особый отдел и военная прокуратура занимаются, – успокаивающе улыбнулся собеседник. – Проблема, понимаешь ли, новая возникла. Попривыкали к разной дури в Афганистане. Завели моду обкуриваться перед рейдами... – Обвислые щеки генерала дрогнули, и желваки заплясали на скулах.

«Что ты знаешь, штабная крыса, про рейды! Когда спишь на камнях и задыхаешься от недостатка воздуха в высокогорье, когда идешь по размолоченному артиллерией кишлаку и ноги твои скользят на кусках человеческого мяса, когда силы на исходе, а нервы сдают, тогда закуришь. Все закуришь: анашу, гашиш... Кто тебе дал право осуждать сломавшихся на этой войне людей?»

– Ишь, нахохлился! – заметил раздраженность лейтенанта собеседник. – Тебе ответственное дело поручить собираются. Отвечай на вопросы, а чувства оставь при себе. Значит, наркотики не употреблял?

– Нет...

– Командовал взводом, заменял командира роты?

– Так точно...

– Написал рапорт о направлении в Афганистан, хотя служил в неплохом месте?

– Написал! – с вызовом ответил Виктор, не понимая, к чему клонит хозяин кабинета. – Жир нагуливать по спокойным гарнизонам скучным показалось.

– С гонором лейтенант! – обернулся генерал к Банникову. – Самоуверенный!

Тот угодливо поддакнул.

– Распорядись принести нам чайку! – отослал хозяин кабинета своего порученца. – Тебя характеризуют как исключительно храброго, решительного офицера. Рекомендации командования однозначно положительные. Почему?

– Совершенными бывают только негодяи и сыновья генералов...

– Смело!

– У простого офицера, как и у любого человека, есть слабости, недостатки...

– И какие же они у тебя?

– Одна из моих главных жизненных заповедей, товарищ генерал, не открывать никому своих слабых мест.

– Ловко! – захохотал собеседник. – Держишь, лейтенант, глухую оборону. Молодец! Ну да ладно. Все мы были молодыми и горячими. Потом прыти поубавилось... Теперь давай ближе к делу. – Генерал явно хотел перевести беседу в непринужденное русло. – Ситуация в армии и стране очень сложная. Скрывать не стану, наше руководство, – он поднял глаза на портрет, – проводит рискованный эксперимент над обществом, страной и, конечно же, армией. Я по долгу службы занимаюсь связями с нашими союзниками в странах «третьего мира». Ближний Восток, Африка, Латинская Америка. Лекцию о международном положении читать тебе не стану, но скажу: позиции мы свои сдаем!.. А ты не стесняйся, задавай вопросы! – по-отечески ласково произнес генерал. – Политики могут болтать все, что угодно, о новом мышлении, перестройке, конверсии. Работа у них такая – языками молоть. Мы же обязаны сохранять величие державы, оберегать безопасность страны! Мы, профессиональные разведчики, лучше других видим надвигающуюся катастрофу. Мир построен на противоборстве двух сверхдержав. Одна половина этого мира принадлежит нам!

Генерал впал в словесный экстаз. Его губы дергались, как от нервного тика. Генералу хотелось выговориться, а Новиков на стукача был совсем не похож.

– На Западе молятся на эту перестройку! А как же, им только этого и надо! Где мы отступаем, приходят американцы со своей финансовой и военной помощью... Чего молчишь, лейтенант?

– Извините, я слабо разбираюсь в этом, – вывернулся Новиков. – Знаете, как говорят солдаты: политику не хаваю!

Вернулся полковник в сопровождении ефрейтора с подносом, на котором стояли стаканы в пластмассовых подстаканниках и корзиночка с печеньем.

– Знатно, чайком побалуемся! – вновь вошел в образ добродушного простачка-хозяина генерал. Прихлебывая чай, он бросал испытующие взгляды на лейтенанта.

Виктора начинало подташнивать от беседы, смахивающей на допрос.

В разговор вступил и Банников, задавший нелепый вопрос:

– Спортом занимаетесь?

– Ага, бегом с препятствиями и дополнительными нагрузками...

– Лейтенант у нас шутник! – пояснил генерал. – За словом в карман не лезет!

Полковник, желая проявить служебное рвение, отреагировал резко:

– Что за расхлябанность, лейтенант! Что за панибратский тон в беседе со старшими по званию! Вы в Генеральном штабе находитесь – в святая святых наших Вооруженных Сил. С вами сам генерал-майор разговаривает!

– Хорош, Петр Михайлович! Налетел на парня, – оборвал своего помощника генерал. – Он офицер боевой, не чета нам – бумагомарателям, тараканам кабинетным. Смерти в глаза смотрел, ранения имеет. Звания свои и награды получал на поле брани, а ты его криком испугать пытаешься! – Генерал грузно поднялся, подошел к полковнику и, буравя его взглядом, отчеканил: – На крик десантуру не возьмешь, Петр Михайлович. Иди, посмотри личное дело лейтенанта, подготовь все...

Брезгливо-надменное лицо полковника покрылось красными пятнами. Генерал задел чувствительную струну подчиненного, и обида не могла не отразиться на физиономии Банникова.

– Разрешите идти? – вскинул подбородок полковник.

– Шуруй! – не по-уставному распорядился генерал.

У Новикова осталось чувство, что весь этот спектакль был разыгран специально для него. Вот только зачем? Почему генерал устраивает дешевый балаган вместо того, чтобы отдать четкий приказ и потребовать выполнения задания?

Неспокойное время наложило свою печать и на высшие чины. Генералы стали суетливыми, полковники дергаными и беспокойными. Бремя проигранной войны, неясное будущее, планируемое сокращение армии давили на людей с большими звездами.

– Биография у тебя безупречная. Послужной список отличный. Медицинских противопоказаний нет. – Генерал-майор с видимым наслаждением затянулся ароматным дымом и посмотрел на раззолоченное произведение английских табачных мастеров. – Наглости тоже хватает!

Новиков попытался возразить, но генерал остановил его властным взмахом руки:

– Молчи! Пошутили, и хватит. Ты переходишь под мое командование. Служить будешь в системе военной разведки. Второму управлению ГРУ нужны кадры. Молодых, толковых, преданных офицеров, проверенных в боевых условиях, не так уж много... – Генерал мерил кабинет широкими шагами и продолжал: – Мне нужны люди, способные самостоятельно мыслить, быстро принимать решения, люди, умеющие рисковать. Это качества врожденные. Ни одно учебное заведение не может привить их. Выдающиеся командиры Красной Армии ничего не заканчивали. Фрунзе из семьи военного фельдшера, Первую мировую прослужил в нижних чинах, в Гражданскую командовал фронтами, разгромил Врангеля и захватил Крым. Жуков не проиграл ни одного сражения!.. Люди такого склада решали судьбы мира!

«Что за бред он несет! К чему клонит? Замороженный народ эти гэрэушники. Посвихивали мозги на шпионаже. В спецназ он меня, что ли, вербует?..» – думал Виктор во время этой тирады.

– Товарищ старший лейтенант! – Голос генерала зазвучал официально. – Мы отобрали вас для работы в нашем учебном центре. Вы будете инструктором группы иностранцев. В ваши обязанности входит следующее: осуществлять общее руководство курсантами, поддерживать надлежащий уровень дисциплины, соблюдать режим изоляции и не допускать никаких эксцессов. Сразу предупреждаю, – генерал назидательно приподнял брови, – контингент специфический. Надо обламывать, но аккуратно, чтобы не вызвать неприязни ко всему советскому. Если курсанты станут тихо ненавидеть вас – ничего страшного...

– Кто они? – спросил Новиков и почувствовал, как язык прилип к гортани.

– Наши друзья. Представители национально-освободительных движений...

– Я офицер-десантник, товарищ генерал-майор. Готовить диверсантов не моя специальность!

– Оставьте чистоплюйство для дам, старлей! Вы прекрасно знакомы с тактикой партизанской войны. Воочию видели, как в Афганистане разрозненный сброд американские инструкторы превратили в регулярную армию. Я не принимаю никаких возражений. Решение по вашей кандидатуре принято, и вы обязаны выполнять приказ! – Генерал-майор подал Виктору лист бумаги.

– Подпишите обязательство о неразглашении военной тайны. Местонахождение учебных центров, состав и национальность курсантов, методы обучения являются строго секретными. Разглашение любой информации на этот счет квалифицируется как государственная измена и карается смертной казнью. – Последние два предложения генерал прочел с листа, близоруко прищурился. – Подписывайте, старший лейтенант, – подогнал он Новикова повелительным окриком.

* * *

Учебный центр находился под Одессой. В начале шестидесятых он принадлежал Высшему командному училищу пехоты. Десятый отдел Генерального штаба прибрал военный городок училища к рукам. Разведчиков привлекло удобное расположение городка, уединенное место, большой полигон с участком морского пляжа и благоприятный климат.

Добротные казармы, просторные светлые классы, содержащийся в идеальной чистоте пищеблок приятно удивили Новикова. Он привык к спартанской обстановке, а городок показался ему настоящим санаторием. Угнетал лишь режим секретности: у Виктора трижды проверили документы.

– Что вид такой кислый, десантник? – спросил загорелый до черноты командир центра, плотно сбитый мужик с коротким ежиком седых волос, под которыми у правого виска белел старый, грубо зашитый шрам. – Банников руки выкручивал? К нам загонял? Затрахало тебя интернациональные долги выплачивать? Ничего, сменим обстановку. Ты воевал с желтыми, будешь обучать черных...

– Негров? – ничему уже не удивляясь, спросил Виктор.

– Отборных «блэков». – Командир центра, подполковник Пирогов, потянулся к сейфу, выкрашенному зеленой краской. – Отличников мозамбикской народной армии. Во как! Планы боевой подготовки получишь у начальника учебной части, с переводчиком познакомишься. Замполит наш заболел – язва открылась. Вникай в обстановку по ходу дела, как и полагается десантнику. Где служил, за что награды?

Новиков обстоятельно перечислил места, в которых воевал, хотя все они были занесены в его послужной список.

– Нахлебался, – резюмировал подполковник.

Выставил на стол зеленую бутылку с желтой этикеткой.

– Виски... – любовно погладил Пирогов пузатую емкость. – «Джэй энд Би». Моя печень другого не переносит.

Разлив виски по пластиковым стаканам, командир центра помрачнел.

– Перессорились с половиной мира, – медленно процедил подполковник. – Скоро и в собственной стране бардак устроим.

Из окна было видно, как на плацу маршировали солдаты. Коротко стриженные, одетые в камуфлированную форму с подвернутыми по локоть рукавами, они самозабвенно горланили:

Если Родина приказ
Вдруг отдаст нам необычный,
Как и в прошлом, есть у нас
Опыт службы заграничный...

Пирогов прикрыл створку окна.

– Слушай внимательно... – доверительно начал он. – Черные нас ненавидят. Я прополз на брюхе почти по всей Африке южнее Сахары. Был советником в Бенине, Анголе, сопровождал поставки оружия в Эфиопию и Мозамбик. Для них белый человек остается биологическим врагом. Марксистско-ленинская идеология нужна им, как кожура от банана. Ты знаешь, что такое трайбализм?

– Межплеменная вражда, кажется, – продолжил Новиков.

– На ней замешена вся политика в Африке. Одни племена объявляют, что они за коммунизм, другие – что за капитализм, третьи – за черта лысого. Это умные «блэки»! Они получают оружие от благодарных учителей. Глупые тоже желают воевать автоматами, огнеметами и реактивными установками. Но они колеблются, чье оружие лучше: американское, советское или китайское. И пока не определятся, воюют копьями да стрелами. А когда выберут, черные объявляют себя бастионом социализма, капитализма, третьего пути на континенте и требуют немедленных поставок вооружения. Катаются в Союз да в Штаты, твердят о верности, требуют оружие – иначе, мол, их живьем съедят враги и некому будет отстаивать правое дело. Мотай на ус, Новиков!

– Интересный у вас взгляд на мир, товарищ подполковник.

– А ты в Афгане не дошел до этих выводов собственным умом? Верить в интернациональный долг?

Виктор решил платить откровенностью за откровенность.

– Была вера, и вся вышла. Погасла... – горько усмехнулся старлей.

– Это точно... – Подполковник потер виски и подумал про себя: «Научишь на собственную голову, а затем воевать против них и отправишься...»

Приставленный к Новикову переводчик Миша Суров оказался ровесником новоиспеченного инструктора. Этот выпускник престижного вуза уже успел четыре года проработать в Африке и окончательно спиться.

Блаженно закатив глаза, Миша Суров сидел на кровати, опустив ноги в большой таз с водой. Оттуда, словно перископы подводных лодок, торчали бутылочные горлышки. Миша меланхолично поворачивал бутылки пальцами ног. Отклеившаяся этикетка прилипла к щиколотке переводчика.

– Охлаждаю! – объяснил свои действия Суров. – Готовлюсь к вашему приходу. Новиков?

– Точно!

– Виктор?

– Да.

– Ваш чичероне, Майкл Суворый.

– Не понял.

– Чичероне – переводчик. Проводник по этим джунглям. Простите, кроме поганого пошла под романтическим названием... – Миша отодрал этикетку —... «Напий козацкий», ничего раздобыть не удалось. Объект режимный, в Одессу не наездишься.

– Давай на «ты», – предложил Виктор. – Жить, как я понимаю, и служить будем вместе...

– Погуляли? – усмехнулся командир учебного центра, обходя офицеров, построившихся на утреннем разводе.

Распухшая физиономия Виктора Новикова говорила сама за себя. Остальные участники вчерашнего импровизированного банкета выглядели как огурчики. Только синие круги под глазами выдавали собутыльников.

– Ты, Новиков, за этими лейками не утонишься! Понял? – Подполковник укоризненно взглянул на Мишу Сурова. – Особенно не рекомендую тебе соревноваться вот с этим, – он ткнул жестким пальцем в пузо переводчика.

Тот ойкнул, согнулся и жалобно простонал:

– Сгущаете краски, Валентин Степанович! Я употребляю исключительно в лечебных целях...

Среди офицеров послышались смешки, и приглушенный шепоток пронесся по строю.

– Отставить! – вполголоса бросил командир центра.

Тишина мгновенно воцарилась на плацу.

«Авторитетный мужик, – с уважением подумал Виктор. – Слушаются его с полуслова. А ведь головорезы подобрались отчаянные...»

В памяти обрывками всплывала вчерашняя застольная беседа. Ничем не примечательные на первый взгляд офицеры перенесли такое, что обычному человеку и в страшном сне не приснилось бы.

Джунгли Никарагуа, покрытые густым молочным туманом тропических болот, сумрачные ущелья Гиндукуша, испепеляющий зной пустынь Эритреи, горящий Бейрут, китайско-вьетнамская граница – куда только не заносило этих мужиков.

К утру в голове Виктора перепутались все географические названия, имена друзей и врагов Советского Союза, рецепты экзотических спиртных напитков, калибры автоматов, пистолетов, марки взрывчатых веществ. Но одна фраза, оброненная капитаном, застряла в мозгу:

– Никому и нигде мы не нужны...

– ...Товарищ подполковник! Пью я по необходимости. Застарелую лихорадку выгоняю. Единственное верное средство, – гундосил Суров на потеху собравшихся.

– И долго гонять собираешься? – подыгрывал начальник центра, не прерывая представления.

– Пока не загнетса! – браво отвечал переводчик.

– Ты или лихорадка?

– Кто первым успеет!..

Состав курсантов центра был поистине интернациональным: группа кубинцев, низкорослых сальвадорцев, черноволосых палестинцев, эфиопов и представителей стран тропической Африки.

Старшего во вверенном Виктору подразделении звали Жоаким. Имя досталось ему от колониального прошлого страны, когда его Мозамбиком владели португальцы. Массивные мускулы бугрились под военной формой без знаков различия.

Жоаким сносно говорил по-русски. Знакомясь с Новиковым, он вразяжку произнес:

– Привет...

– Это старший лейтенант Новиков, – представил Виктора переводчик, с видимым усилием вспоминая португальский. «Козацкий напиток» все еще давал о себе знать. – Он будет вашим старшим инструктором.

Жоаким радостно закивал курчавой головой:

– Очень хорошо... Мы будем настоящий солдат... Да?..

– Ответь! – подтолкнул в бок Виктора переводчик. – Рывкни что-нибудь. Дай им почувствовать, что ты начальник!

– Товарищи! – выдал из себя Новиков и вдруг остро почувствовал всю никчемность своего положения.

Перед ним стояли совершенно чужие, непонятные люди. А он неизвестно зачем и во имя каких идей будет обучать их совершенным способам убийства, научит владеть самой совершенной техникой, пользоваться первоклассным оружием.

«Зачем это нам? Разобраться бы с тем, что у себя дома творится...»

– Не тяни, Виктор! – вновь зашептал Миша. – Товарищами их замполит пусть величает. Порезче... Не упускай инициативы, а то они на голову сядут.

Жоаким прислушивался к шепоту Сурова и широко улыбался.

Но тут слова инструктора хлестнули потоком:

– Курсанты! Я, старший лейтенант Виктор Новиков, прибыл к вам из разведбатальона десантного полка. Я оставил отличных парней в самом горячем месте и очень беспокоюсь за них. Надеюсь, мне не зря пришлось сделать это. Специальная подготовка требует полной самоотдачи, дисциплины и трудолюбия. Страна послала вас в Советский Союз с надеждой получить настоящих защитников, знающих, как и чем отразить агрессоров и уничтожить их! Наука побеждать дается не каждому. Упорство – ключ к военному искусству...

– Шпаришь, что твой народный депутат, – похвалил Суров, однако не преминул остудить ораторский пыл Виктора: – Но вряд ли до них доходит. Посмотри, зевают...

Негры и впрямь переступали с ноги на ногу, потягивались, демонстрируя полное равнодушие к речи Новикова. Жоаким с деланным интересом тарасил глаза, в которых проглядывала безысходная тоска. Он даже позабыл русский язык и, обращаясь через переводчика, поинтересовался:

– Командир, вы где служили до прибытия в центр? Ангола, Эфиопия или Ближний Восток?

– Афганистан, – ответил Виктор, скрипя зубами от отчаяния. «Надо, надо найти общий язык с этими ребятами. Но как?»

– Афганистан? – коверкая слова, повторил Жоаким несколько раз. Зычно одернув соплеменников, он продолжал: – Сколько времени вы там пробыли?

– Достаточно!

– Я взял автомат в руки, когда мне исполнилось десять лет. Первого человека я убил в одиннадцать. С тех пор не переставал сражаться! – Негр продолжал говорить по-португальски, демонстрируя таким образом если не презрение, то уж по меньшей мере снисходительность. – Да, командир, вы лучше разбираетесь в теоретических вопросах: как правильно готовиться к наступлению, какие силы надо сохранять в резерве, как организовывать систему обороны. Я уже учился в Союзе на спецфакультете Университета дружбы народов. Дома из полученного там мне ничего не понадобилось. Дух война живет в сердце мужчины. С этого надо начинать учебу, не с пустых слов... – Негр ударил себя кулаком по груди, и она отозвалась глухим звуком.

Виктор понимал, что Жоаким прав, но признать это означало бы признать себя кем-то вроде европейского монарха с чисто символической властью.

– Выходи!

– Виктор, ты что задумал? – заволновался переводчик. – Не дури! Он же машина! Втопчет тебя в землю! Позора не оберемся.

Негр покачнулся, словно не мог оторвать ступней от асфальта плаца, оглянулся на своих и, продолжая сиять улыбкой, вышел из строя.

– Сними часы и ремень! – приказал Новиков.

Офицерский кожаный ремень змеей лег на землю, рядом с ним примостились часы «Ориент». Их дорогое хрустальное стекло отбрасывало солнечный блик на лицо негра.

Жоаким по-прежнему улыбался, но сейчас уже какой-то плотоядной улыбкой тигра, готовящегося растерзать свою добычу.

Остатки химии вмиг выветрились из головы Сурова.

– Кончай, Витя, – ошалело шептал переводчик. – Начальство разорвет на куски. Это же не призывник из военкомата. Замочишь – под трибунал пойдешь. Проиграешь – «блэки» жизни не дадут.

– Сгинь, Миша! – отодвинул сослуживца Новиков. И обратился к негру: – Слушай, Жень! Я тебя теперь буду так называть...

– Мой имя – Жоаким! – набычился тот, играя мышцами под рубашкой.

– Ничего, побудешь Женей! Домой вернешься – станешь Жоакимом. От слов, Жень, перейдем к делу. Предлагаю устроить турнир на открытом воздухе... Переводи, Миша!.. Честная борьба двух солдат. Командир должен доказать свое право командовать?

– О'кей! – согласился негр и картинно снял рубашку, обнажая черное, словно выточенное из эбонита тело. Грудные мышцы выступали буграми, между которыми лежал никелированный патрон от вездесущего «калашникова». – Обида нет, командир!

– Нормально, товарищ! – обрадовался Виктор. Он был уверен, что поступает правильно. – Пульку сними.

– Он говорит: нельзя! Талисман! – потухшим голосом пробормотал Суров. Он решил больше не вмешиваться и положиться на авось. – Влетит нам и от негра, и от подполковника. Жоаким отдаст тебе талисман, если ты выиграешь схватку. – Порывшись в карманах, он достал сигареты и задымил, глубоко затягиваясь.

– Объясни ему условия, – сказал Новиков и стал разминать руки. – Глаза не трогать, между ног не бить, по возможности нос, ребра, челюсти не ломать. Остальное допустимо. Готов?

Негр продолжал улыбаться. Нависла зловещая тишина.

– Ну, Витя, дай ему! – побелевшими губами шепнул Миша.

Жоаким шел на старлея, сжав кулаки и опустив голову. Расстояние сократилось до критического, и негр нанес первый удар. Виктор уклонился, но кулак задел висок, и тут же негр ногой саданул Новикова по коленной чашечке.

Противник наседал. Выждав, когда Жоаким распрямится, старлей достал его солнечное сплетение. Негр ахнул, согнулся пополам и уперся сжатыми кулаками в асфальт. Офицер отступил: бить лежащего он не привык.

– Вставай, друг! Сеанс не окончен! – Виктор был наготове и следующую атаку Жоакима встретил точным ударом по печени.

От боли негр просто озверел. Он пытался показать класс вольной борьбы, задавить Новикова массой своего тела, сплющить в мощных объятиях.

Зрители подбадривали соплеменника воплями, притопыванием. Словно тамтамы грохотали в саванне, оповещая о схватке за место вождя.

Жоаким наседал. По его лицу струились пот и кровь. У Новикова тоже была рассечена губа, задет нос.

Изловчившись, негр схватил его за горло и стал совсем уж не по-спортивно душить жесткой хваткой. Новиков видел лишь белки глаз Жоакима с прожилками лопнувших сосудов. Он отвел голову назад, стремительно выпрямился и лбом въехал в переносицу противника, одновременно ребрами ладоней нанося удары по печени и почкам.

Жоаким осел на колени. Его глаза были залиты кровью и ничего не видели. Но он продолжал шарить руками, стараясь на ощупь найти противника.

– Ну как, может, хватит? – спросил Виктор.

– Ввали ему еще! – разошелся Миша.

Кровь опьянила и публику. Галдя, негры обступили поверженного Жоакима. Он сумел подняться и, дрожа, прерывисто хватая ртом воздух, боком двигался к старлею. Правая рука Жоакима готовилась нанести новый удар.

«Крепкий парень!» – с уважением подумал Новиков.

Он принял боевую стойку и пружинисто покачивался на ногах, как заправский боксер. На скулу неумного негра обрушился мощный удар. Мгновение спустя Виктор саданул Жоакима локтем по челюсти, левой рукой придерживая готового грохнуть наземь противника, поднырнул под него и классическим броском через бедро утрамбовал на асфальт.

– Бляха, да ты замочил его! – утробно взвыл Миша.

– Воды принесите! – отмахнулся Виктор.

К его удивлению, негры поняли распоряжение без перевода. Самый шустрый рванул к бочке, стоявшей неподалеку от плаца. Зачерпнув мутной воды в валявшийся рядом с бочкой пустой «цинк» из-под патронов, он услужливо подал его Новикову.

– Другана своего сами отливайте! – поморщился Виктор.

Освежающая процедура подействовала. Жоаким дернулся, захрипел, приподнялся, опираясь на локти, и обвел окружающих мутным взглядом. Перепачканный кровью, негр походил на языческого жреца, принесшего самого себя в жертву грозному божееству.

Вылупившись на Виктора, прошептал разбитыми губами:

– Стоп... Сильно больно.

Поддерживаемый чернокожими курсантами, негр сел и поднял руки вверх, признавая свое поражение:

– Плен, сдаюсь!

Новиков присел рядом на корточки, закурил и, поймав взгляд Жоакима, вставил ему в разбитые губы сигарету.

– Ну что, насчет души воина все выяснили?

Сил отвечать у строптивного ученика не осталось.

К плацу со стороны штаба ехал «УАЗ» со снятым тентом. За рулем был командир центра. Его седая голова выделялась на зеленом фоне машины.

– Шеф засек. Хана! Ох, вломит он нам! – причитал Суров, сгибаясь и разгибаясь, точно у него был приступ аппендицита.

– Не мельтеши, Миша! – спокойно ответил Новиков. – Отойди в сторону. Я скажу, что тебя здесь не было...

– Он видел меня. Бесплезно! – простонал переводчик, заглупев и всматриваясь в приближающуюся машину. – «Губа» гарантирована!

Подполковник лихо выпрыгнул из «УАЗа», как кавалерист из седла.

– Оригинально! – не дожидаясь рапорта, буркнул Пирогов.

– Товарищ подполковник, проводим практическое занятие! – отчеканил Новиков, вытянувшись по стойке «смирно».

– Молодец, старший лейтенант! – издевательски-одобрительным тоном сказал подполковник. – Время зря не теряем. Берем быка за рога! Ты понимаешь, чем это пахнет?

– Я в центр служить не напрашивался!

– Он еще огрызается!

– Никак нет, товарищ подполковник. Пробую объяснить свои методы преподавания!

– Отойдём-ка в сторону, сынок! – Пирогов подхватил Виктора под локоть. – Ты понимаешь, что творишь? Банников узнает – под трибунал подведет. Негр, которого ты только что

отмолотил, доверенное лицо президента Мозамбика. Его дядя возглавляет личную охрану президента, отец – глава провинции...

– ...А мать станет первой мозамбикской космонавткой?

– Что?

– Шучу, товарищ подполковник!

– Новиков! Мой друг детства, уголовник и бандит, в таких случаях говорил: «Хороши шутки, когда перо в желудке!» Ты во что морду Жоакима превратил? В отбивную с кровью? Он подняться не может, а ты хохмишь передо мной. Международный скандал назревает!

Но Виктор заметил в глазах командира учебного центра веселые искорки. Довольная улыбка скользнула по губам Пирогова, хотя он изо всех сил старался сохранить грозный вид.

Негр уже успел прийти в себя, натянуть рубашку и ополоснуть разбитое лицо; придерживая рукой ноющий бок, он подошел к командирскому «УАЗу».

– Новиков – класс! – с трудом выговорил опухшими губами Жоаким и поднял вверх большой палец. – Не надо ругать...

– Заступник, – смягчившись, проворчал Пирогов. – Сходи в санчасть. Ишь как бровь раскровянил. Штопать придется. Новиков, в следующий раз новую методику на мне опробуй. Я третий калач, а курсантов калечить брось...

Инцидент не был предан огласке. Негры хранили молчание, подполковник делал вид, что ничего не произошло.

Жоаким подлечился в санчасти и вышел оттуда совершенно умиротворенным и спокойным. Он больше не пытался провоцировать Новикова, а, напротив, демонстрировал уважение и полную покорность инструктору, отделавшему его.

Арсенал центра, укомплектованный практически всеми образцами мирового стрелкового вооружения и боеприпасами к ним, пополнялся чуть ли не каждый день. Сюда доставляли даже оружие, которое только-только начинали испытывать.

На полигоне Виктор первым опробовал винтовку «страйкер», разработанную как оружие для борьбы с терроризмом и применения в специальных операциях, с закрытыми глазами мог разобрать штурмовую винтовку «Р-5» – модифицированный вариант израильской «галил» с прикладом, специально удлиненным для здоровяков-солдат, высокорослых наследников гордых буров. В центре имелся и новенький, с иголки, ручной пулемет «СС-77», только что поступивший на вооружение армии ЮАР.

– Что у нас за страна! Тратит такие средства на тех, кто только вчера с ветки слез! – не выдерживал Новиков. От возлияний Миши Сурова Виктор успел отвертеться. – Стрельбы через день, ночные выезды на полигон! Я понимаю, готовят элитных солдат! А ко мне во взвод присылали ребят из учебки, так они всего два раза из «калашника»-то стреляли.

– Ни макарон, ни патронов, – скорбно вздыхал осоловевший Миша.

О, великие полководцы прошлого! Если бы вы слышали афоризмы, которые приписывал им захмелевший переводчик, то дружно перевернулись бы в гробах!

Суров громоподобно отрыгивал, лез ногой в таз, проверяя, как охлаждается «Козацкий напиток», и затягивал похабные песни, стараясь взять ноту повыше. Утром он скатывался с кровати, бежал в ванную глотать воду из-под крана, а вернувшись, заискивающе заглядывал в глаза Новикову:

– Очень куролесил ночью? Прости, Виктор! Сломленный человек, жертва мирового противоборства социализма и капитализма...

После каждого ночного буйства Суров закутывался в одеяло с головой, отворачивался лицом к стене и засыпал. Сон его был беспокоен. Он всхлипывал, скрежетал зубами, бормотал проклятия, адресованные кому-то невидимому.

Новиков, повинувшись привычке, от которой не отказывался даже в Афгане, перед сном читал. В библиотеке центра помимо специальной литературы имелись малотиражные издания

по этнографии, истории и другим областям человеческих знаний. Книги были совсем новенькие: по всей видимости, их не часто брали в руки.

А между тем в строгих, неброских брошюрах Института востоковедения Академии наук СССР, в дневниках русских офицеров, путешествовавших по Центральной Азии и Туркестанскому краю, находил он ответы на многие вопросы о самой долгой и едва ли не самой бесславной войне в истории России.

В душе старлея закипала крутая волна.

«Неужели никогда не наступит предел глупости? – с тоской думал он. – Неужели мы ничему не научимся?! Какие идиоты поставляли Брежневу информацию о народной революции, о ростках социализма? Зачем штампуем террористов и диверсантов, которые расползутся по всему миру? Устроят переворот в отдельно взятой стране, назовут его революцией и пригласят нас штыками поддерживать так называемую власть народа. Карусель завертится по новой. Нацепишь ты, Виктор Новиков, «АКС», подсумок с гранатами и ать-два – вперед!»

Он был уверен – остальные офицеры в глубине души задают себе те же вопросы. Ради чего они сражаются, подставляют себя под пули, годами не видят родных?

Да, кое-кому просто нравится убивать. Убийство – психологический наркотик. Только когда последний вздох вырывается из подрезанного горла жертвы, убийца и может, подобно Фаусту, воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Виктор отличал таких людей внутренним чутьем, почти физически ощущал, как от них исходит леденящий холод.

Среди инструкторов центра подобных монстров не было. Новиков считал это парадоксом. Ведь убийство – неотъемлемый элемент работы солдата, тем более спецназовца.

Своими сомнениями он поделился во время контрольных стрельб с подполковником Пироговым. Старый вояка смачно сплюнул, пригладил седой ежик волос и сказал:

– Закрученно мыслишь, старший лейтенант! Из училища тебя не выгоняли?

– С отличием закончил... Почти...

– Странно. У нас не любят сложных вопросов. Я тебе по своему разумению растолкую. – Подполковник наморщил лоб. – Убивать для нас – необходимость. Так?

– Да, конечно!

– Но если начинаешь кайфовать от этого дела, то ты – покойник!

– Расшифруйте, товарищ подполковник.

– Психи сами себя под монастырь подводят! От ножа ты как спасаешься?

– Блоком. Упреждающим ударом.

– От пистолета?

– Попробую выбить...

– Правильно, Новиков. Но если есть возможность и долг позволяет, лучше убежать. Басни про храбрецов без страха и упрека оставим для дебилов...

– Оставим, товарищ подполковник...

Пирогов увидел, как ушли в «молоко» трассеры, выпущенные из ручного пулемета расчетом ангольцев, и разразился витиеватой тирадой.

– Капитан! – заорал он, обращаясь к инструктору ангольцев. – Сунуть бы тебя головой в мясорубку! А котлеты твоим героям на обед! Когда они «ПКМ» освоят? Твои чудо-богатыри просто вольныят, а ты им мозги вставить не можешь! – Пирогов снова повернулся к Виктору. – О чем мы говорили?.. А, вспомнил! Психически полноценный солдат способен реально оценить обстановку и избежать ненужных крайностей. Он пойдет на риск только в случае необходимости: приказ, шанс повернуть громкую акцию. У психа инстинкт самосохранения притуплен, а порой вообще отсутствует. Он пьянеет от крови, впадает в бешенство! Поэтому первая пуля – ему! Такие долго на свете не живут! – Пирогов немного помолчал и с расстановкой произнес: – И вообще, Новиков, мокрушники, о которых ты спрашивал, все поголовно онанисты!

Этот достойный самого Фрейда диагноз, поставленный старым воякой без тени улыбки на лице, уложил старлея наповал. Он захохотал, да так громко, что на секунду перекрыл треск ручного пулемета:

– Что вы говорите, товарищ подполковник?!

Пирогов строго и четко повторил:

– Онанисты и импотенты. Ради наслаждения людей убивают те, кто детей делать не может. Кончай гоготать, старший лейтенант! Медициной доказано! – Подполковник вновь наморщил лоб и подкрепил свою теорию историческим фактом: – Во Вьетнаме я с пленным лейтенантом «зеленых беретов» душевную беседу имел. Его отец адъютантом Аллена Даллеса – шефа американской разведки – всю войну служил! Информацией владел сам понимаешь какой! Так вот его папаша говорил: «Адольфу еще в Первую мировую хозяйство оторвало. Его Железным крестом наградили, но осерчал он на людей сильно, поэтому войну затеял». Летеха по-научному мне все объяснял, по теории Фрейда... Только не до Фрейда мне было. А жаль, побеседовал бы я еще с лейтенантом... – Пирогов усмехнулся чему-то своему.

Вечером Новиков пересказал все Мише.

– Пирогов – серьезный мужик! Мыслит верно, потому как многое на своем горбу вынес. Объяснил грубо, но доходчиво. А я дополню...

Суров наполнил стакан, с наслаждением хлебнул «Столичной», сложил губы трубочкой и стал развивать собственную теорию.

– Миш, ложись спать! Мне все ясно... – слабо запротестовал Виктор.

– По-настоящему миром правят бабы и деньги. Можешь сдать меня замполиту, особистам! Клал я на них! – В таком виде он напоминал древнеримского патриция с обличительной речью в сенате. – Бородатый мудака Карла-Марла написал единственную верную книгу – «Капитал». Остальное – похабщина. Ты читал «Капитал»?

– Отстань, Миша! Спать хочется...

– Не осилил! – обрадовался Суров и отметил это событие прямо «из горла». Водка с бульканьем устремилась по проспиртованному пищеводу Михаила. – Десантник! Мозги на сквозняке...

– В лоб получишь! – шутливо предупредил Новиков, но тем не менее внимательно слушал, ибо что у трезвого на уме...

– Война – источник доходов! Ты «духов» метелил в хвост и в гриву, ордена получал. Состаришься, внукам покажешь коробочки, а они тебя пошлют подальше! А кто-то из загашника башли вытянет! На этой войне заработанные!

– Мы тех сук, которые моджахедам бензин, «цинки» с патронами сбгивали, били, Миша, жестоко били...

– Ох, уморил! Разуй глаза, Виктор. Сколько генеральских звезд посыпалось на погоны, сколько амуниции налево ушло! Слепой, что ли? Пушечное мясо – ходовой товар!

– Заглохни! По-хорошему прошу, – вскипел Новиков.

Циничные рассуждения переводчика задевали его за живое.

Но Суров имел право так говорить. В свое время он целую неделю продирался через колючки буша, выводя отряд отборных командос ЮАР на гарнизон правительственных войск.

Юаровцы убили членов геологической экспедиции – мирных людей, приехавших подзаработать. Миша тогда отлучился в буш поохотиться и поэтому уцелел. Переводчик мог спокойно отсидеться или пойти в противоположную сторону. Простреленные головы советских и болгарских геологов красноречиво свидетельствовали – командос пленных не берут. Но он подвел свору прямым под сторожевые посты...

– Так! Политэкономия для тебя недоступная сфера! Переходим к рассмотрению второго пункта! – Перед более сложным материалом мэтр еще взбодрился... – Бабы!

– Это уже лучше. Тема в самый раз для тупого старика.

– Очень грустная тема, Виктор! – На бледной физиономии переводчика проступила мировая скорбь, и он начал загибать пальцы. – Закочевряжилась Елена – греки разрушили Трою, это раз. Шурика Македонского затрахали триста пятьдесят наложниц, не дав ему завоевать вторую половину мира, – это два. Он просто умер от истощения. Ульянов Ленин неудачно женился – с тоски устроил революцию...

– Глобально мыслишь! – иронично заметил Новиков и решил насильно уложить разошедшегося философа в постель.

Тот словно прочитал мысли Виктора и с пафосом воскликнул:

– Стыдись! Ты собираешься лишить меня жизни! Я сгнию, если не буду пить!

Тут в комнату ввалились традиционные собутыльники Михаила: капитан-связист и майор-химик.

– О чем базар, мужики? – спросил майор заплетающимся языком.

Миша расплылся в блаженной улыбке:

– Покоритель Хоста не желает признать, что его уделали со свистом! Не слушает умного человека! То бишь меня.

– Козел! – мрачно заключил майор и грохнул вещмешком, набитым пустой тарой из-под «Козацкого напия». – Но мы ему мозги вставим!

Дежурный офицер влетел в комнату, чуть было не споткнулся о тело Сурова, переместившееся к входной двери, крикнул:

– Новиков! Быстрее!

– Что? Что случилось? – Почуввав неладное, старлей вскочил.

– Твои режутся! – Офицер задышался от быстрого бега...

Глава 5

*В этом мире люди побеждают только силой и умирают с оружием
в руках.
Вольтер*

Взводу Святого предстояло охранять склады. Они располагались в долине, зажатой двумя грядами невысоких холмов.

С середины шестидесятых годов началось строительство третьего эшелона обороны, предназначавшегося для укрепления границы с Китаем – тогдашним врагом номер два Советского Союза. Сеть бункеров, подземных складов и огневых рубежей протянулась по всей Средней Азии, уходя в Сибирь и Приморье.

Горы Тянь-Шаня военным стратегам казались ненадежным препятствием для полчищ бывшего друга Страны Советов – «великого кормчего» Мао Цзэдуна. После событий на острове Даманский и гибели наших пограничников строительство форсировали.

Как это всегда бывало в стране, ничего путного из спешки не вышло. Бункеры под Ошем, предназначавшиеся для хранения боеприпасов по меньшей мере на дивизию, пошли трещинами – геодезические службы провели разведку грунта спустя рукава. Специалисты объяснили разрушения изменившимся руслом подземной реки, тектоническими сдвигами и тому подобной заумью. Поди проверь!

Обо всем этом доложили тогдашнему министру обороны. Боевой маршал насупился и философски заметил:

– Бетона у нас хватит! Законсервируйте бункера или используйте по своему усмотрению.

Геодезистам передали предупреждение грозного военачальника: если такое повторится, будут ручной помпой откачивать воду и на собственных горбах таскать бревна креплений.

Но бункера ветшали. Часть из них окончательно развалилась, и серые глыбы бетона, обрушившиеся под собственной тяжестью, преградили вход в подземные помещения. Часть сохранилась и до поры до времени пустовала.

Когда из Афганистана вывели сороковую армию, надо было срочно размещать где-то горы оружия и техники. Вспомнили о старых бункерах. Кое-где подлатали, поставили подпорки, смонтировали сигнализацию, натянули колючку, и секретный объект стал готовым к приему груза. Для солдат установили сборные дощатые домики, зимой продуваемые всеми ветрами насквозь, для офицеров – кунг, снятый с «ЗИЛа».

Две вышки, торчащие по диагонали, придавали объекту вид концентрационного лагеря времен начала сталинских репрессий.

Под бетонные своды уложили ящики со снарядами для реактивной артиллерии и с патронами для «калашников». Потом стали валить все без разбора.

На открытых площадках рядами стояли отслужившие свое бэтээры и прочий железный хлам.

Солдаты охраняли объект и периодически раскручивали очередную машину на запчасти. Местные жители охотно брали антенны, шланги гидравлики, подфарники и другие полезные вещи. Меновая торговля процветала, подкармливая и развлекая бойцов. Развлечением служили главным образом наркотики, в основном анаша. Ответственный за склады – лейтенант Кучаев давно махнул рукой на воровство.

– Главное – оружие не тянут! – доверительно сообщил он Святому. – Заварушка, сам видишь, какая! Нагрянут «всадники», а у меня пятнадцать солдат! Слава богу, что вас подбросили.

Кучаев опасался налета боевиков, крайне агрессивно настроенных молодых националистов, слетевшихся словно стервятники к Ошу из Иссык-Кульской и Наманганской зон. Часовые не раз замечали всадников на гребнях холмов.

Лейтенант забрал к себе жену, работавшую учительницей начальных классов в одной из городских школ.

– Я в школу не вернусь! – тихим печальным голосом говорила молодая женщина. – Лозунги развесили: «Да здравствует великий могучий киргизский язык!» Может, и Тургенев – киргиз по национальности?

– Перемелется! – успокаивал ее муж. – Киргизы самые спокойные люди, в них нет жестокости. Это их взбаламутили, натравили на узбеков и русских...

– А ты всадников с перекошенными рожами видел? – в ярости кричала учительница. – Сторожа школьного у собственного дома заметили... Сидел на скамеечке перед калиткой... Старик награды военные нацепил, думал, пощадят ветерана. Подскочили к деду. «Ветеран? – спрашивают. – А почему не инвалид?» Распяли на скамейке, вожжами привязали и ножовкой ногу отпилили! Не жестокие? Собирать манатки надо и мотать отсюда! Пусть без нас вторую Южную Корею обустривают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.